

Маилис де Керангаль

MASTERS OF MODERN
FOREIGN LITERATURE

ЧИНИТЬ
ЖИВЫХ

БММ

Masters of Modern Foreign Literature

Маилис де Керангаль

Чинить живых

«РИПОЛ Классик»

2014

де Керангаль М.

Чинить живых / М. де Керангаль — «РИПОЛ Классик»,
2014 — (Masters of Modern Foreign Literature)

Маилис де Керангаль – известный современный автор, лауреат многих литературных премий. Её роман «Чинить живых» был удостоен премии RTL–Lire 2014. Критика назвала эту книгу лучшим романом автора: «Эта книга – истинный роман, великий роман, необыкновенный роман, поставивший Маилис де Керангаль в один ряд с ведущими писателями XXI века». Действие этого произведения укладывается всего в двадцать четыре часа, но какие это часы! Молодой Симон Лимбр попал в автокатастрофу, возвращаясь домой после занятий сёрфингом. Его череп раздавлен, мозг умер. Но сложная медицинская аппаратура всё ещё поддерживает жизнь в бессознательном теле. Срочно вызванные родственники юноши не желают смириться с потерей. Ведь Симон ещё с ними, он дышит, а главврач больницы просит отдать его сердце и другие органы больным, нуждающимся в срочных операциях. Как можно решиться на такое? Как сдержать свои чувства и вынести страшный приговор? Маилис де Керангаль ведёт с читателями непростой разговор о ценности человеческой жизни, о споре разума с сердцем, о живом сердце...

© де Керангаль М., 2014

© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Маилис де Керангаль

Чинить живых

My heart is full!

«О влиянии гамма-лучей на поведение маргариток». Пол Ньюман
(1973)

Керангаль М. Де Чинить живых: [роман] / Маилис де Керангаль; пер. с фр. Ю. Котовой. – М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2015. – 256 с. – (Серия Masters of modern foreign literature, ISBN 978-5-88353-663-1).

ISBN 978-5-88353-660-0

Maylis de Kerangal

Réparer les vivants

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения правообладателей.

© Editions Gallimard, Paris, 2014

All rights reserved.

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», издание на русском языке, 2015

© Юлия Котова, перевод на русский язык, 2015

© Shutterstock Inc.,

фото на обложке, 2015

* * *

Сердце Симона Лимбра – человеческое сердце, забившееся в момент рождения; и другие сердца, там, снаружи, тоже забились быстрее, сбиваясь с такта, приветствуя знаменательное событие; сердце Симона Лимбра – то, что заставляло это сердце скакать, прыгать, рваться, увеличиваться, кружить, словно невесомое пёрышко, или камнем срываться вниз; то, что его оглушало, вынуждало таять, как воск, – любовь; сердце Симона Лимбра – то, что оно фильтровало, записывало, заносило в архив; «чёрный ящик» молодого двадцатилетнего тела; и никто не может сказать, никто толком не знает, что же такое сердце Симона Лимбра: только ультразвук, чутко улавливая эхо биения, эхо пульса, способен зафиксировать радость, распирающую сердце, или тоску, сжимающую его; только бумажная лента ЭКГ с тонкой линией зубцов смогла бы описать его форму, описать производимое им усилие, переживаемое им волнение, энергию, вырабатываемую этим сердцем, которое спешит, сокращаясь около ста тысяч раз в день и прокачивая через себя около пяти литров крови в минуту; да, только эта тонкая линия могла бы рассказать о нём, очертить контуры его жизни, жизни притока и оттока, жизни клапанов и камер, жизни пульсаций, но сердце Симона Лимбра, человеческое сердце, ускользнуло от бездушной машины, и поэтому никто не мог утверждать, что способен понять это сердце, понять его в эту ночь, ночь без звёзд, когда в районе эстуария и городка Ко² царствует трескучий мороз, а чёрные, непроглядные валы волн катят вдоль обрывов, когда континентальное плато

² Имеются в виду эстуарий Сены (при её впадении в пролив Ла-Манш) и Кодбек-ан-Ко (Caudebec-en-Caux), коммуна в департаменте Приморская Сена. – *Примеч. ред.*

отступает, обнажая царапины на породе: этой глухой ночью можно услышать лишь тихое бие-ние, почувствовать ритмичные сокращения отдыхающего органа – сердечной мышцы, которая медленно перезаряжается, пульс, вероятно, реже пятидесяти ударов в минуту, и тут заорал будильник в мобильном телефоне, лежащем на тумбочке у кровати, и, словно эхо, вторя ему, замигали на экране люминесцентные палочки, складывающиеся в цифры 05:50, – и именно в эту минуту всё началось.

* * *

Итак, той ночью небольшой грузовичок затормозил на пустынной парковке, встал прямо поперёк стоянки; хлопнули передние дверцы и, почти одновременно, скользнула в сторону дверь боковая; возникли три силуэта, три тени, размытые мраком и окутанные холодом, ледяной февраль, сопливый нос, сон в одежде; кажется, мальчишки, застегнувшие молнии на куртках до самого подбородка, натянули вязаные шапочки до бровей, стараясь прикрыть тёплой шерстью мясистые кончики ушей и согревая дыханием сложенные ковшиком ладони, развернулись лицом к морю, которое в этот час было лишь шумом, шумом и темнотой.

Мальчишки, молодые парни: теперь это видно. Они выстроились вдоль невысокой стены, отделяющей парковку от пляжа, и, не двигаясь, втягивали, так, что начинало до боли щипать ноздри, йод и холод; они вглядывались в тёмное пространство, в крошечную мглу, в которой больше не существовало времени – был только грохот волн: оглушительный грохот взрывающейся воды; грохот, доходящий до наивысшей точки, чтобы обрушиться вниз, разлететься брызгами, догнать волну, – а она уже рычит и ярится перед ним; этот свихнувшийся рокот, в котором не на чем остановить взгляд, разве что на белёсой пенистой кромке; мириады катапультирующихся атомов, стучающиеся друг о друга в фосфоресцирующем ореоле и сражённые зимой прямо на выходе из грузовичка; оглушённые ночью и морем, эти трое парней снова возвращаются в реальность, берут себя в руки, напрягают зрение, вслушиваются в темноту, оценивают, что их ожидает, *swell*³, вслушиваются в рокот, заполняющий уши, пытаются измерить силу прибоя, прочувствовать его глубину и вспоминают о том, что волны, рождающиеся где-то там, на морском просторе, обгоняют самые быстроходные корабли.

Здорово, еле слышно прошептал один из молодых людей, мы сможем чудесно прокатиться: это будет отличный сэшн; остальные двое улыбнулись, затем все они, как по команде, сделали шаг назад, медленно, очень медленно счистили песок с подошв ботинок и, повернувшись кругом, подняли глаза, чтобы, как тигры, пронзить ими ночь; ночь, которая пока властвовала в посёлке; ещё непроглядную ночь за обрывами, – тогда говоривший поглядел на часы: ещё четверть часа, ребята, и они вернулись в фургон дожидаться холодного морского рассвета.

Кристоф Альба, Йохан Роше и он, Симон Лимбр. Будильники зазвонили, и они откинули одеяла, чтобы выбраться из тёплых уютных постелей ради сёрф-сэшн, о которой они договорились ещё до полуночи после непродолжительного обмена эсэмэсками; ради сэшн во время полуприлива, каких бывает два или три в год: правильное море, постоянная рябь, слабый ветер, и ни души вокруг. Джинсы, куртка; они выскользнули из дому, не проглотив ни крошки, даже не выпив стакана молока, не съев ни горстки мюслей, ни даже ломтика хлеба; они остановились у подъезда многоэтажного дома (Симон), у ворот своего особняка (Йохан) и стали ждать фургон, который оказался пунктуальным (Крис); и это они, которые, не обращая внимания на ворчание родителей, по воскресеньям никогда не поднимались раньше полудня; они, о которых судачили, что, мол, только и умеют раскидывать влажные комки жевательного табака между

³ Здесь: напускают на себя важность (англ. *сленг*).

диваном в гостиной и стулом в своих спальнях; они уже выказывали все признаки нетерпения, переминаясь с ноги на ногу на улице в шесть утра, развязанные шнурки и зловонное дыхание, прямо под фонарём. Симон Лимбр смотрел, как исчезает облачко, выпущенное изо рта, наблюдал за метаморфозами белой фумаролы⁴, которая сначала, такая компактная, висела в воздухе, а затем растворялась в окружающей атмосфере, исчезая без следа, и вспомнил, как ребёнком обожал играть в курильщика, поднося к губам указательный и средний пальцы, а затем набирая в рот воздух, втягивая щеки и выдыхая невидимый дым, как настоящий мужчина – мужчина, который мог быть героем мультлика «Три кабальеро», а мог – героем фильма «Охотники за большой волной»⁵; его могли звать Крис, Джон или Скай, не имя, а псевдоним, кличка: они были созданы, придуманы, чтобы вообразить себя всемирно известным сёрфером, хотя на самом деле он всего лишь «лицеист эстуария», и всякий раз, произнося это имя, все враждебные конфигурации как бы отбрасываются; забываются холодный мелкий дождь, тихий шелест моря, обрывы, подобные стенам, улицы, опустевшие в приближении вечера, родительские упрёки, жалобы школьных учителей, причитания подружки, брошенной на мостовой, – той самой, кому в очередной раз предпочли фургон: а ведь она никогда ничего не имела против сёрфинга.

И вот они сидят в фургоне – никогда, никогда они не говорят «грузовичок» или «микровавтобус»: скорее лопнут – только «van»⁶. Чумакая влажность; мелкий песок, проникающий повсюду и натирающий задницу, как наждачная бумага; горьковато-солёный каучук; зловоние маршевого берега⁷ и запах парафина, – всё это сёрфинг, разнообразие сочетаний: шорты или плотный облегающий гидрокостюм с капюшоном, перчатки, гибкая обувь, воск в горшочках, ляжка. Все трое уселись на переднее сиденье, плечом к плечу; они потирают ладонями ляжки, издавая обезьяньи крики: чёрт возьми! как же холодно; затем начинают старательно жевать витаминизированные злаковые батончики, нельзя слопать всё прямо сейчас: надо оставить на потом, после заплыва, – вот тогда действительно захочется есть; по кругу идут бутылка колы, тубик с концентрированным сгущённым молоком от «Нестле», «Пепито» и «Шамони», печенье мягких и сладких мальчиков; в итоге они вытаскивают из-под сиденья последний номер журнала «Сёрф-сэшн», который открывают и кладут прямо на приборную доску; три головы, касаясь друг друга, склоняются к страницам, отсвечивающим в темноте; бумага – такая же холодная и гладкая, как кожа, намазанная кремом для загара; радость; страницы переворачиваются сотни, тысячи раз, а они рассматривают их снова и снова, глаза от восторга вылезают из орбит, во рту пересохло: гигантская волна Мейверик и *point break*⁸ Ломбока, прыжки на гребне от Явы до Гавайских островов, течения Вануату, бешеные валы Маргарет-ривер, самые лучшие берега планеты бахвалятся чудесным, захватывающим сёрфингом. Они лихорадочно тычут в картинки указательными пальцами: вот сюда, сюда, посмотри; однажды они отправятся туда, возможно уже будущим летом; отправятся втроём, усевшись в грузовичок: они поедут за мечтой, за кайфом, который дарит сёрфинг; они отправятся на поиски самой прекрасной волны во всём мире, покатают по дорогам в поисках дикого и неизведанного – того, что откроют, как Христофор Колумб Америку, и будут совсем одни на *line-up*⁹, когда наконец появится та, которую они ждали всю жизнь: эта волна явится из недр океана, архаичная и совершенная; её персонифицированная красота, движение и скорость подхватят их, стоящих на доске; адрена-

⁴ Выбросы горячих вулканических газов.

⁵ «Три кабальеро» (“The Three Caballeros”, 1944) – американский мультфильм, режиссёр Уолт Дисней. «Охотники за большой волной» (“Big Wave Hunters”, 2010) – австралийский документальный фильм, режиссёр Крис Нелиус. – *Примеч. ред.*

⁶ Фургон (*англ.*).

⁷ Участков суши, периодически подверженных воздействию морских вод.

⁸ Благоприятные условия для сёрфинга, создаваемые каким-либо участком суши.

⁹ Позиция в океане, на которой сёрферы ожидают волну.

лин зашкалит; во всём теле, вплоть до кончиков ресниц, засияет безумная радость; они оседлают волну, полетят к земле и вольются в ряды сёрферов, в это кочевое племя людей с волосами, обесцвеченными солью и вечным летом, с вылинявшими глазами; в племя юношей и девушек, которые любой одежде предпочитают шорты с набивным рисунком, сотканным из цветков тиаре или лепестков гибискуса, а также ярко-бирюзовые или кроваво-оранжевые футболки; вместо обычной обуви они носят вьетнамки из пластика; племя молодёжи, сияющей от солнца и свободы: до берега они помчатся на гребне волны.

Небо за стеклом бледнеет; светлеют страницы журнала, они обнажают всю палитру голубых тонов: от чистого, режущего глаз кобальта до насыщенного бирюзового, почти зелёного, такого яркого, что, кажется, его нанесли акриловыми красками; то тут, то там мелькает след от доски для сёрфинга: крошечная белая пенная полоска на феноменальной глади, даже стене воды; парни старательно моргают, шепчут «чёрт возьми!», но всё же у-ух до чего здорово; затем Крис откидывается назад, чтобы взглянуть на экран мобильного, который сияет мертвенно-синеватым светом, подсвечивающим лицо снизу, лепя, искажая его черты, выдающиеся надбровные дуги, выступающую вперёд челюсть, сиреневатые губы, а молодой человек громким голосом зачитывает полученную информацию: Птит-Даль¹⁰ сегодня, волнение на море почти идеальное, юго-западное и северо-восточное, волны от метра пятидесяти до метра восьмидесяти, – это будет лучшая сэшн года; после чего он торжественно провозглашает: зададим жару, *yes*¹¹, мы будем реальными *kings*¹²; английский вплетается в родную французскую речь, вплетается постоянно, по делу и без надобности, словно они живут в попсовой песне или в американском сериале, словно они герои, иностранцы; английский придаёт лёгкость таким весомым, огромным словам *жизнь* и *любовь*, которые превращаются в воздушные, почти ничего не значащие *life* и *love*; в конечном счёте английский – это стыдливость; и Джон, и Скай важно кивают головами, единодушно соглашаясь с приятелем: йе-э, *big wave riders, kings*¹³.

Время пришло. День вступил в свою зачаточную стадию, когда бесформенное обретает форму: все элементы выстраиваются в нечто зримое, небо отделяется от моря, возникает линия горизонта. Трое парней готовятся; готовятся методично, следуя заведённому порядку, ставшему уже ритуалом: они смазывают доски, проверяют крепления *leash*¹⁴, натягивают специальное полипропиленовое нижнее бельё и лишь затем надевают комбинезоны, гримасничая и изгибаясь, словно акробаты; неопрен плотно прилегает к коже, порой царапая, а то и обжигая её; причудливый танец резиновых марионеток: каждый требует помощи у соседа, и они вынуждены взаимодействовать, касаться друг друга; после чего наступает черёд ботинок, шлемов-капюшонов, перчаток, и они снова запирают фургон. Вот они спускаются к морю, доска-сёрф зажата под мышкой; лёгкие, гибкие молодые люди широкими шагами преодолевают прибрежную полосу, там, где мелкая галька с адским шумом разлетается у них из-под ног; вот они уже у кромки воды: осматривают расстилающееся перед ними пространство – хаос и праздник, – закрепляют *leash* вокруг лодыжек, поправляют капюшоны, утончая линию оголённой кожи на шее до минимума, потуже затягивают шнуровку, крепят застёжку-молнию – ведь речь идёт о полной герметичности, о том, чтобы лишний раз не потревожить юношескую кожу, которая так часто бывает усыпана прыщами, краснеющими и на верхней части спины, и на лопатках; и вот Симон Лимбр вскидывает руку с татуировкой маори на предплечье: этот жест,

¹⁰ Птит-Даль (Les Petites Dalles) – посёлок в департаменте Приморская Сена. – *Примеч. ред.*

¹¹ Да (*англ.*).

¹² Здесь: хозяевами положения (*англ.*).

¹³ Всадники больших волн, крутые ребята (*англ. сленг*).

¹⁴ Трос, которым сёрф привязывают к ноге (*англ.*).

эта вскинутая напряжённая рука означает, что сэшн началась, *let's go!*¹⁵ – наверное, сейчас их сердца подстёгивают тело; наверное, эти сердца хрипят, медленно встряхиваясь в грудных клетках; наверное, они тяжелеют, растут, начинают биться всё быстрее и быстрее, сбиваясь с ритма, и в этом биении чередуются два элемента, два удара: ужас и желание.

Они входят в воду. Не вопят, когда их тела, облепленные гибкой плотной мембраной, которая хранит тепло – тепло, производимое каждым мышечным взрывом, – погружаются в волны; не издают ни единого крика, а, гримасничая, преодолевают преграду из катящихся камней, в пяти-шести метрах от берега ноги уже не касаются дна; наклоняются вперёд и ложатся плашмя на живот на доску, а затем гребут, гребут со всей силы; их руки врезаются в поток; и вот зона прибой уже остаётся позади, а они выбирают на морской простор.

В двухстах метрах от берега море обретает сплошное напряжённое волнообразное движение: оно опадает и выгибается, подымается и колыхается, как простыня, брошенная на пружинный матрас. Симон Лимбр растворяется в этом движении; он гребёт к *line-up*, к этой зоне открытого моря, где сёрфер ждёт появления волны; он убеждается, что Крис и Джон где-то поблизости, слева от него, два небольших чёрных поплавка, едва различимых на водной глади. Вода тёмная, мраморная, венозная, цвета олова. По-прежнему никакого сияния, никаких бликов, – только белёсые частицы, припудрившие поверхность моря, словно сахар; вода ледяная – девять-десять градусов, не больше; Симон никак не может оседлать пару-тройку волн; он знает, что сёрфинг в холодной воде истощает, изматывает, что через час он спечётся: необходимо выбрать самую лучшую из только что сформировавшихся волн, вал с достаточно высоким, но не слишком заострённым гребнем; волну, завиток которой раскроется достаточно широко, чтобы принять в себя его, Симона; волну достаточно мощную, бег которой не замедлится ни на секунду, пока её накипь не разобьётся о прибрежный песок.

Он поворачивается к берегу лицом, он любит делать это, перед тем как отплыть ещё дальше: земля – она там, вытянутая чёрная корка, раскрашенная синими отблесками, и это совсем другой мир – мир, от которого он отделился. Обрыв, взмывающий к небу, словно стреловидная чаша, гордо демонстрирует сёрферу пласты времён; но там, где Симон сейчас, времени больше нет; нет ни истории, ни эпох, – только этот случайный поток, который кружит его и куда-то несёт. Его взгляд задерживается на автомобиле, загримированном под калифорнийский *van*: он припаркован перед пляжем – Симон узнаёт кузов, обклеенный этикетками, которые были собраны во время самых разных сёрф-сэшн; он знает, какие имена и названия на них написаны, – они налезает одно на другое: Рип Кёрл, Оксбоу, Куиксильвер, О'Нил, Биллабонг; психоделическая фреска, на которой в галлюциногенном экстазе слились воедино чемпионы сёрфинга, рок-звёзды и пёстрая толпа симпатичных девиц в малюсеньких бикини, девиц с развевающимися русалочьими волосами; этот *van* был их совместным творчеством; вестибюлем, из которого можно было выйти к волнам, – затем цепляется за задние фары автомобиля, взбирающегося по склону плато, чтобы потом затеряться где-то вдаль; перед глазами у него возникает профиль спящей Жюльетты: она лежит, свернувшись калачиком на своей девичьей кровати, и даже во сне вид у неё упрямый и сердитый; внезапно он делает полный разворот, вырывает себя из воды и одним скачком преодолевает ещё десяток метров, удаляясь от берега, а потом прекращает грести.

Руки отдыхают, ноги задают направление, ладони прилипли к краям сёрфа, торс чуть приподнят, подбородок задран; Симон Лимбр покачивается на волнах. Он ждёт. Всё вокруг него колыхается, вспухает и опадает, целые ломти моря и неба то появляются, то исчезают, подчиняясь волнению, медленному дыханию тяжёлой, деревянистой, базальтовой массы. Шершавый рассвет обжигает лицо; кожа напрягается, натягивается; ресницы твердеют, словно они сделаны из винила; хрусталики, спрятавшиеся за зрачком, покрываются инеем, словно их

¹⁵ Поехали! (англ.)

забыли в морозилке; сердце, реагируя на холод, начинает биться медленнее – когда вдруг, неожиданно, он видит, как она подходит; видит, как она приближается, твёрдая и однородная, – волна, манящее обещание; и уже срабатывает инстинкт, подсказывающий, как найти вход, как просочиться, проскользнуть: так грабитель проскальзывает в хранилище, чтобы завладеть сокровищем; его голова и лицо так же прикрыты капюшоном; та же, до миллиметра выверенная, точность жестов; и обосноваться внутри, в этом скручивании, в этой деформации материи, внутренность у которой кажется более просторной и глубокой, чем поверхность; она там, в тридцати метрах; она приближается с неизменной скоростью; и внезапно, собрав всю энергию тела в предплечьях, Симон устремляется вперёд и гребёт изо всех сил, чтобы подстроиться под скорость волны, взлететь на её гребень; и вот уже *take-off*¹⁶ – сверхскоростная фаза, когда весь мир фокусируется в одной точке и, очертя голову, падает в бездну; временная вспышка, когда нужно глубоко вдохнуть, а потом задержать дыхание, забыть о нём, и подготовить тело к одному-единственному действию, одному-единственному толчку, придать ему вертикальный импульс, который заставит его выпрямиться на доске, ноги широко расставлены: левая выброшена вперёд, *regular*¹⁷, правая согнута; абсолютно плоская спина почти параллельна сёрфу; свободные, открытые руки помогают удерживать равновесие; это мгновение решающее – именно поэтому Симон любит его больше всего: ведь оно позволяет спортсмену прочувствовать взрыв, распад собственного существования, а затем собрать все части организма воедино, снова вступить в ряды живых и, уже стоя на доске, – в такие секунды особенно ценится высота гребня, превышающая полтора метра, – растянуть пространство, время; к концу «заезда» исчерпать энергию каждого морского атома. Стать прибором, стать волной.

Начиная первый *ride*¹⁸, он испускает дикий крик и через краткий промежуток времени достигает состояния наивысшего счастья: горизонтальное головокружение; он встал вровень с целым миром, опережая его; влился в мировой поток; его захватило пространство; оно перемололо и тем самым освободило его, насытило кислородом его мышечные волокна, его бронхи, его кровь; волна развёртывается в тревожном непостоянстве, медленная или быстрая, кто знает; она подвешивает в воздухе каждую секунду, одну за другой, чтобы закончиться, разлететься брызгами, нагромождением, лишённым смысла; и – невероятно, но, – избитый камнями в этом кипящем бульоне, Симон Лимбр резко разворачивается, чтобы снова отправиться в море, даже не коснувшись земли, не задерживаясь среди мимолётных рисунков, возникающих в пене, когда море сталкивается с суши: масса против массы, поверхность против поверхности; он возвращается на открытую воду, гребя всё сильнее и сильнее, возвращаясь к тому порогу, где всё только начинается, всё приходит в движение; он присоединяется к обоим своим друзьям, которые очень скоро испустят тот же крик восторга, оказавшись на гребне, и ряды волн, которые катят на них, словно бронемашин, от самого горизонта, потребуют выкуп с их тел, не оставляя им отсрочки, не давая передышки.

Ни один сёрфер не присоединился к ним на споте¹⁹; ни один зевака не приблизился к парапету набережной взглянуть на молодых сёрферов; никто не видел, как часом позже они вышли из воды, уставшие, измочаленные, на дрожащих, пошатывающихся ногах, как снова пересекли пляж, чтобы добраться до парковки и снова открыть дверцы фургона; никто не видел ни голых ног и рук, ставших у всех одинаково синюшными и истерзанными, ни лиловых полос под ногтями; никто не заметил ни лишайных пятен, искромсавших лица, ни трещин в уголках губ; их зубы выстукивали *щёлк, щёлк, щёлк* – бесконечная пляска челюстей, передававшаяся всему телу, тряска, которую они никак не могли унять; никто ничего не видел, даже когда тро-

¹⁶ Движение, во время которого сёрфер запрыгивает на доску, подхватываемую волной (англ.).

¹⁷ Здесь: сёрфер, идущий в стойке левой ногой вперёд (англ.).

¹⁸ Здесь: заезд, заход (англ.).

¹⁹ Здесь: место, где встают волны (англ.).

ища переодевалась: плотные шерстяные кальсоны – только потом брюки, несколько слоёв уютных джемперов, кожаные перчатки; никто не видел, как они молча растирали друг другу спины, не в силах вымолвить ничего, кроме «вот дерьмо!», «полная задница!» и «мать твою!», – а ведь им так хотелось поболтать, описать своё катание, рассказать, как они осёдлывали волну за волной, сочинить новую легенду, новый миф об этой сёрф-сэшн, – продолжая трястись от холода, они забрались в фургон, не дожидаясь, пока Крис найдёт в себе силы запустить мотор; потом они отъехали, и стоянка опустела.

* * *

Машиной управлял Крис: он всегда сидел за рулём – *van* принадлежал его отцу; ни у Йохана, ни у Симона водительских прав не было. Остался за спиной Птит-Даль; нужно было ещё около часа, чтобы добраться до Гавра: после Этретá – свернуть на старую дорогу, спускающуюся к эстуарию у Октевиль-сюр-Мер, а затем идущую по долинам Иньовалья и Сент-Адресса.

Парни перестали дрожать: печка у фургона работала на полную, радио – тоже; несомненно, удушливая жара, окутавшая кабину, стала причиной ещё одного термического шока; несомненно, усталость взяла своё: они начали зевать и покачиваться, старались съёжиться, поплотнее прижаться к спинкам сидений, убаюканные, укутанные вибрацией автомобиля, носы спрятались в тёплые шарфы; и, так же несомненно, их заочеченные тела потяжелели, веки всё норовили сомкнуться; возможно, именно тогда, после того как фургон миновал Этретá, Крис, сам того не осознавая, принялся изо всех сил жать на педаль акселератора; плечи поникли, тяжёлые руки вцепились в руль, дорога стала прямолинейной; да, – возможно, сказал он себе, – да, это хорошо: хорошо, что шоссе свободно; вероятно, желание сократить обратный путь было велико; возможно, Крис так хотел переварить последствия сёрф-сэшн, мощь её контрудара, что давил и давил на газ, увеличивая скорость, оставляя позади себя летящие мимо чёрные плато и перевёрнутые поля, тоже охваченные сном; и, несомненно, перспектива уже вскоре выбраться на национальное шоссе – на ровное полотно, уходящее вдаль, на стрелу, стремящуюся к точке на горизонте, на дорогу за ветровым стеклом, так напоминающую дорогу на экране видеоигры, – эта перспектива завороживала, загипнотизировала его, как мираж, и шофёр, поддавшись ей, утратил бдительность; хотя каждый помнил, как он замёрз в ту ночь, зима обратила пейзаж в пергамент, в фотонегатив; хотя каждый знал, что синоптики предупреждали о скользкой дороге, о наледи на асфальте, о наледи, невидимой глазу под этим тёмным матовым небом, но измаравшей всю обочину дороги; хотя каждый заметил и грязные лохмотья тумана, набегающие через неравные промежутки времени, и эту воду, испаряющуюся из грязи, испаряющуюся всё интенсивнее, по мере того как разгоралась заря, и опасные карманы, смазывающие видимость, – конечно, но, может быть, что-то ещё... только что? Зверь, перебежавший автотрассу? потерявшаяся корова? собака, проشمгнувшая в дыру ограды? лиса с огненным хвостом? призрачная фигура, внезапно возникшая на обочине, здесь на склоне, – фигура, которую надо объехать в самый последний момент, резко вывернув руль? А может быть, пение? Да, возможно, девушки в бикини, девицы, извивавшиеся на этикетках, которыми был облеплен кузов *van*, внезапно ожили, выползли на капот и прижались к ветровому стеклу: чувственная плоть, зелёная шевелюра, тягучие нечеловеческие – или слишком человеческие – голоса, заставившие Криса потерять голову и рухнуть в омут, когда он услышал это потустороннее пение, возможно песню сирен, песню, которая убивает? Также может быть, что Крис просто сделал неловкое, неверное движение, да, именно так: неверный жест – и теннисист пропускает такой простой удар; лыжник допускает ошибку на трассе, глупая случайность, – возможно, он повернул руль вслед за дорогой, сделавшей крутой вираж, или же, надо учесть и

эту гипотезу, Крис просто мог заснуть за рулём – ненадолго отлучиться из этой тусклой реальности, чтобы нырнуть в завиток волны, в чудесную и в такую разумную спираль, мчавшуюся впереди его сёрфа, унося за собой весь мир и всю мировую лазурь.

Спасатели – машина скорой помощи и жандармы – прибыли в 9:20 утра. Они тут же установили щиты ниже и выше по шоссе, чтобы изменить путь автотранспорта, перенаправить поток машин на маленькие боковые дороги и, таким образом, очистить зону аварии от посторонних. Самым сложным оказалось высвободить тела трёх парней из железного плена, вытащить их из тюрьмы фургона, отделить от тел девушек-сирен, которые улыбались с покорёженного капота; улыбались или гримасничали, деформированные, раздавленные друг другом; мешанина из бёдер, ягодич, грудей.

Очень скоро стражи порядка установили, что небольшой фургон ехал быстро, слишком быстро: где-то 92 километра в час – скорость на 22 километра превышала разрешённую на этом участке; они также установили, что, по невыявленным причинам, машину занесло влево, после чего она уже не вернулась в свой ряд; что водитель даже не тормозил, не было никаких следов торможения, даже следов покрышек на асфальте; что автомобиль врезался в столб на всём ходу; они констатировали, что подушек безопасности не было, фургон слишком стар, что все трое сидели спереди и только двое были пристёгнуты: эти двое – водитель и один из пассажиров – сидели у дверей; наконец, жандармы установили, что молодой человек, сидевший посередине, от сильнейшего удара вылетел в лобовое стекло, разбив об него череп; понадобилось двадцать минут, чтобы переложить его на брезент; на момент прибытия скорой парень был без сознания, но его сердце билось; в кармане куртки обнаружился пропуск в столовую – и тогда все узнали, что его имя Симон Лимбр.

* * *

Пьер Револь заступил на дежурство в восемь утра. Он предъявил свой магнитный пропуск при въезде на парковку, когда ночь стала пастельно-серой, утренняя гризайль: бледное небо, скорее сизое, совсем непохожее на сложный, напыщенный облачный балет, всегда привлекавший в эстуарий живописцев, медленно покатило по территории госпиталя, заворачивая то за один, то за другой угол, следуя общему архитектурному плану комплекса, и, наконец, скользнул на зарезервированное место; свою машину, серо-голубую «Рено-Лагуну», несколько устаревшую, но всё равно очень комфортабельную: кожаный салон, отличная аудиосистема; любимая модель уважающих себя таксистов, всегда говорил он, улыбаясь; он поставил носом вперёд; затем он вошёл в здание госпиталя, пересёк огромный застеклённый неф, ведущий к северному холлу, и, ускорив шаг, оказался в отделении Реанимационной микрохирургии и гипербарической медицины²⁰.

Он переступил порог служебного входа и толкнул дверь открытой ладонью; толкнул так сильно, что потом она ещё долго болталась туда-сюда в пустоте; и те, кто уже закончил ночное дежурство, мужчины и женщины в белых и зелёных халатах, – абсолютно одинаковые лица, утомлённые, даже измученные; растрёпанные волосы, резкие жесты, лихорадочно блестящие глаза, напряжённый оскал, кожа натянута, как у барабанов, – слишком громко смеясь или откашливаясь, прочищая горло, в котором скреблись кошки, а некоторые – молча, все они встречались ему в коридоре: они шли мимо, задевая Револя плечами, или, заметив его издали, бросали взгляд на часы и озабоченно кусали губы, думая, что через десять минут всё

²⁰ Гипербарическая оксигенация – метод лечения, при котором пациент заключён в герметичную барокамеру и дышит кислородом под давлением больше одной атмосферы.

это закончится, что через десять минут они уйдут отсюда; и от этой мысли мышцы у них на лицах расслаблялись, сами лица меняли цвет, становясь мертвенно-бледными, тёмные круги под глазами разом становились заметнее, а веки, обведённые красной бронзой, начинали часто моргать.

Не торопясь, размеренным шагом, Револь добрался до своего кабинета, не останавливаясь, не сбиваясь с намеченного пути; он отвечал на обращённые к нему приветствия, подписывал на ходу бумаги и документы, протянутые ему назойливым молодым интерном, он подстроился под шаг Револя и просил, просил; перед невзрачной дверью врач достал из кармана ключ, вошёл и машинально произвёл ряд будничных движений, предшествовавших работе: повесил одежду на вешалку, прибитую к задней стороне двери, серо-бежевый непромокаемый плащ, натянул халат, включил кофеварку, компьютер, рассеянно похлопал по вороху бумаг, устилающих письменный стол, как скатерть, попытался рассортировать их, сел, подключил Интернет, пробежался по письмам, скопившимся в папках, написал один или два ответа – ни обращения, ни приветствия, слова без гласных, ни единого знака препинания, – затем встал и сделал глубокий вдох. Он был в отличной форме – и чувствовал себя превосходно.

Это был высокий мужчина; впалая грудная клетка, выдающийся животик, одиночество, длинные руки, длинные ноги, белые ботинки «Репетто» на шнурках; некая развязность, даже неуверенность, превращали его походку в юношескую; вечно распахнутый мятый халат, бющий, топорщащийся у него за спиной, развевающийся, как крылья, когда он шёл; халат, надетый на джинсы и рубашку, тоже белую и мятую.

В низу кофеварки включилась красная диодная лампочка, и к ней тут же присоединился резкий запах электрической спирали, греющейся вхолостую; в стеклянной колбе остывал кофе. Скорее крошечный, всего-то пять-шесть квадратных метров, этот кабинетик, личное пространство, считался небывалой привилегией, однако удивлял полным отсутствием индивидуальности: безликость, беспорядок, сомнительная чистота; весьма комфортное вращающееся кресло, сиденье поднято на небывалую высоту; стол, на котором скопились всевозможные бланки, документы, тетради, блокноты и дешёвые рекламные авторучки, присылаемые лабораториями в пластиковых конвертах с логотипом; початая бутылка минеральной воды «Сан-Пелегрино»; фотография в рамке с пейзажем горы Эгуаль; и наверху, венчая груды хлама, равнобедренный треугольник, вершины которого украшены сувениром-безделушкой из Венеции, маленькой каменной черепашкой и стаканчиком с карандашами, – возможно, попытка придать этой безликой равнине некое подобие индивидуальности, наложить отпечаток личности; у дальней стены примостилась металлическая этажерка, населённая нумерованными коробками с архивами; разнородные документы, скапливающиеся год за годом, солидный слой пыли и несколько книг, названия которых можно прочесть, если подойти поближе: двухтомник «Человек перед лицом смерти» Филиппа Арьеса, «Скульптура живого» Жан-Клода Амейзана из серии «Пуан Сиянс», «Дважды мёртвый. Трансплантация органов и повторное изобретение смерти» – труд Маргарет Лок в двухцветной обложке с изображением мозга, номер «Неврологического журнала» за 1959 год и детективный роман Мэри Хиггинс Кларк «Лунный свет тебе к лицу»²¹ – книга, которую Револь очень любил, хотя сам не понимал почему. Никаких окон, резкий неон, освещённость кухни в три утра.

²¹ Philippe Ariès (1914–1984) – французский историк. Jean Claude Ameisen (p. 1951) – французский иммунолог. “Points Sciences” («Вопросы науки») – французская тематическая серия научно-популярных книг. Margaret Lock (p. 1936) – канадский медицинский антрополог. Mary Higgins Clark (p. 1929) – американская писательница. – *Примеч. ред.*

В недрах госпиталя реанимация – особое пространство за пределом жизни, которое принимает в себя терминальные комы, констатированные смерти, – в общем, тела всех пребывающих между тем и этим светом. Зона коридоров, кабинетов и помещений, где царит вечное напряжение. Револь погружался в неё, словно в оборотную сторону дневного мира – мира непрерывной и стабильной жизни, мира дней, которые проходят при ярком солнечном свете, озаряющем мечты о будущем; он лицезрел изнанку жизни, так похожую на изнанку огромного плаща, в складках которого спряталась сама темнота. И всё же дежурить он любил, любил работать ночью и по воскресеньям; он полюбил дежурства, когда ещё учился в интернатуре: сразу же представляется долговязый молодой стажёр Револь, очарованный самой мыслью о дежурстве, переполненный стремлением быть востребованным; Револь, бдящий на посту, мобилизованный медициной, чтобы оказывать первую помощь страждущим, оказывать по всему периметру, самостоятельно, непрерывно; Револь, наделённый ответственностью. Он любил «ячеистую» интенсивность дежурств, любил это особое состояние выпадения из времени, любил усталость, возбуждающую, как незаконно купленный наркотик, постепенно проникающий в организм, ускоряющий движения, делающий тело быстрым и ловким; он любил это почти эротическое напряжение, любил молчание, мерцание, тусклый свет, игру теней – медицинские приборы, сложные аппараты, подмигивающие в полумраке, мертвенно-бледные мониторы или настольные лампы, словно огонь свечи на картинах де Латура, например «Новорождённый»²², а также саму «физику» дежурства, его атмосферу: этот климат анклава; эту герметичность, замкнутость; вахту на космическом корабле, устремившемся к чёрной дыре, на подводной лодке, погружившейся в бездонную пучину, в пасть Марианского жёлоба. Но уже очень давно Револя привлекало в дежурствах нечто совсем иное: чистое осознание собственного существования. Не пьянящее ощущение безраздельной власти, не восторженность мании величия, – а нечто противоположное: ясность мысли, управляющая жестами и просеивающая принятые решения сквозь сито рассудка. Доза хладнокровия.

Рабочее совещание: передача смены. В кабинете собралась отдежурившая команда – все здесь: кто-то сбился в круг, кто-то привалился к стене, в руке чашка. Предыдущую смену возглавлял руководитель клинической практики: тридцатилетний коренастый мужчина, густые волосы, мускулистые руки. Он изнурён, но сияет. Медик подробно рассказывает о самочувствии пациентов, уже давно находящихся в отделении, – например, отмечает, что в состоянии восьмидесятилетнего больного никаких изменений не произошло: он по-прежнему без сознания, хотя и провёл два месяца в реанимации; что касается неврологического состояния девушки, доставленной два месяца назад с передозировкой наркотиков, оно ухудшилось, – и лишь затем приступает к подробному описанию только что поступивших пациентов: женщина пятидесяти семи лет, без определённого места жительства, страдает прогрессирующим циррозом, доставлена из центра для бездомных, где у неё начались судороги, гемодинамика нестабильна; мужчина приблизительно сорока лет, доставлен вечером с обширным инфарктом, выявлена опухоль мозга – любитель оздоровительных пробежек, он трусил по приморскому бульвару к мысу Эв, на ногах дорогие кроссовки, голова перехвачена оранжевой флуоресцентной повязкой, как вдруг у кафе «Эстакада» рухнул на землю, и, хотя при перевозке его завернули в термическое одеяло, когда пациента доставили в отделение, он был совсем синий, весь в поту, с перекошенным лицом. В каком состоянии он сейчас? Револь, прислонившийся к подоконнику, задал вопрос нейтральным тоном. В ответ медсестра озвучила цифры (пульс, давление, температура, сатурация) и добавила: все показатели в норме, диурез слабый, уста-

²² Жорж де Латур (George de La Tour, 1593–1652) – лотарингский художник, выдающийся мастер светотени. Картина «Новорождённый» находится в Музее изобразительных искусств в Ренне (Бретань). – *Примеч. ред.*

новлен ПВК²³. Револь не знал эту девушку; он уточнил, каков результат анализа крови, – медсестра ответила. Револь взглянул на часы: что ж, ладно, можем расходиться. Все разбрелись по рабочим местам.

В кабинете задержалась только медсестра, отвечавшая на вопросы; она подошла к Револю и протянула ему руку: Корделия Аул; я новенькая, была в приёмном покое. Револь кивнул: о'кей, осваивайтесь; если бы он посмотрел на неё повнимательнее, то заметил бы, что выглядит она как-то странно: глаза – чёрные ямы; отметины на шее, так похожие на засосы; слишком красный, словно кровоточащий, рот; припухшие губы; колтуны в волосах; синяки на коленях; приглядишься он повнимательнее – возможно, задался бы вопросом: откуда взялась эта блуждающая улыбка? улыбка Джоконды, не сходившая с лица, даже когда молодая женщина склонялась к пациенту, чтобы позаботиться о нём, промыть глаза и рот, установить интубационный зонд, проверить жизненные показатели, дать лекарство; возможно, в итоге он догадался бы, что этой ночью она встречалась с любовником, что тот позвонил после недельного молчания, сволочь эдакая, и что она помчалась на свидание, даже не перекусив, – вся такая разнаряженная и расфуфыренная, тёмные тени на веках, блестящие волосы, пылающая грудь, твёрдо решив ограничиться дружеской встречей, но, увы, посредственная актриса, безучастно пробормотала: как дела? рада видеть тебя снова, – а тело уже предало её, выдало волнение, внутренний жар; тогда они выпили по пиву, потом по второй, потом попытались завязать беседу ни о чём, и когда она вышла покурить, повторяла: сейчас мне надо уйти, просто необходимо уйти, это несусветная глупость, но друг присоединился к ней, я не буду задерживаться, не хочу сегодня ложиться поздно, ложь, притворство; он достал зажигалку, чтобы дать ей прикурить; она укрыла пламя ладонями, наклонила голову, и непослушные пряди скользнули на лицо, угрожая вспыхнуть, как факел; он машинально провёл по ним рукой, заправил за ухо, и, когда подушечки его пальцев коснулись её виска, коснулись машинально, она ослабела, ноги подломились в коленях, всё это старо как мир и протёрто до дыр, и – бац! – через несколько секунд парочка бросилась в соседнюю подворотню, приветствовавшую их темнотой и запахом скверного вина; шарахнулась к мусорному баку, сияя полосками бледной, белой кожи, оголённое бедро, выглянувшее из джинсов или колготок; голые животы; задранные рубашки; расстёгнутый пояс; ягодицы, одновременно ледяные и пылающие; яростные желания, устремившиеся друг к другу; да, если бы Револь взглянул повнимательнее, он понял бы, что Корделия Аул – весьма боевая девица и что, даже заступив на дежурство после бессонной ночи с любовником, она пребывает не в худшей, а то и в лучшей форме, чем он сам, и что он может положиться на неё во всём.

* * *

Мы везём к вам пострадавшего. Звонок раздался в 10:12. Нейтральные слова, необходимая информация рухнули в трубку. Мужчина, метр девяносто три, семьдесят килограммов, приблизительно двадцать лет, дорожное происшествие, черепно-мозговая травма, кома; мы знаем, кто он такой, тот, кого мы вам только что описали; мы знаем его имя: Симон Лимбр. Как только стихли короткие гудки отбоя, машина скорой помощи уже остановилась у реанимации, распахнулись огнеупорные двери, скользит каталка; она катит по центральной оси отделения, и все отскакивают в стороны, видя её. Появился Револь, он только что осмотрел пациентку с судорогами, доставленную ночью, его прогноз самый пессимистичный; женщине не сделали вовремя сердечный массаж: сканирование выявило, что после остановки сердца умерли клетки печени, а также были затронуты клетки мозга, его срочно вызвали в приёмный покой, и, глядя

²³ Диурез – суточный объём мочи. ПВК – периферический венозный катетер. – *Примеч. ред.*

на каталку, появившуюся в конце коридора, медик внезапно подумал, что это воскресное дежурство будет тяжёлым.

За каталкой следовал врач скорой. Он отличался телосложением землемера из высокогорья, лысый, спокойный; совершенно спокойный, просто каменный; пятидесятилетний мужчина продемонстрировал заострённые зубы, сообщив громким голосом: Глазго-три! Затем он дал Револью подробнейший отчёт: неврологическое исследование показало полное отсутствие спонтанной реакции на звук и на свет; кроме того, имеются расстройства зрения (асимметричные движения глаз) и вегетативные дыхательные расстройства; мы сделали прямую интубацию. Он прикрыл глаза и стал полировать лысину: подозрение на кровоизлияние в мозг как следствие черепно-мозговой травмы, терминальная кома. *Глазго-три* – он использовал известный обоим язык, позволявший сэкономить время и слова; язык, исключавший красноречие и чарующую прелесть словосочетаний, исключавший местоимения, – сплошные шифры и акронимы; язык, в котором *говорить* означало «описывать»: то есть описать тело, суммировать все необходимые параметры, чтобы поставить диагноз, назначить требуемые исследования, – и всё для того, чтобы позаботиться о больном и спасти его: сила краткости. Револь записал всю информацию и назначил компьютерное сканирование²⁴.

Именно Корделия Аул сопровождала молодого человека в палату, помогла переложить его на кровать, после чего врачи скорой смогли покинуть отделение, прихватив с собой свой инвентарь: каталку, переносной респиратор, баллон с кислородом. Теперь надо было поставить артериальный катетер, закрепить на груди электроды, ввести мочеотводящий зонд и запустить датчик всех жизненных показателей Симона; на мониторе появились линии различных цветов и форм: они напозлали друг на друга, змеились, – линии прямые и прерывистые, параллельные отростки, плавные волны, – «азбука Морзе» медицины. Корделия работала рядом с Револем; уверенные жесты, плавные движения, – кажется, её тело уже освободилось от оков вязкой тоски, владевшей им ещё вчера.

Часом позже явилась смерть; смерть заявила о себе во весь голос – подвижное пятно в неровном ореоле; более расплывчатая, светлая форма: вот она, смерть, собственной персоной. Такая простая картинка, а словно удар дубины, но Револь даже не моргнул; он сконцентрировался на томограмме, выведенной на монитор: лабиринтообразное изображение с легендой, как у географической карты; Револь крутил это изображение и так и эдак, менял фокус, ставил метки, измерял расстояния, а совсем рядом, всегда можно коснуться рукой, на его письменном столе, лежала картонная папка с названием госпиталя, где были те же изображения, на сей раз в бумажном виде, так сказать, «документы, относящиеся к делу», предоставленные отделением рентгенологии, которое провело сканирование мозга Симона Лимбра: чтобы получить эти послойные изображения, голову парня просветили направленным пучком рентгена и с помощью томографии получили «срезы» толщиной в миллиметр; теперь их можно было изучить во всех пространственных проекциях: коронарной, аксиальной, сагиттальной и наклонной. Револь умел читать эти изображения: он читал их, как открытую книгу с затейливым сюжетом; он распознавал формы, пятна, сияния, толковал молочные ореолы, расшифровывал чёрные мазки, без труда ориентировался в легенде и в шифрах; он сравнивал, проверял, перепроверял, начинал всё сначала, доводил исследование до конца – но, что поделать, всё было перед ним, всё как на ладони: мозг Симона Лимбра находился на пути к разрушению – он утопал в крови.

²⁴ «Глазго-три» – три балла по Шкале тяжести комы, разработанной в Университете Глазго (1974). Минимальный из возможных показателей, означающий запредельную кому, т. е. смерть мозга. – *Примеч. ред.*

Диффузные повреждения, ранний церебральный отёк – и ничего; ничего, что позволило бы стабилизировать слишком высокое внутричерепное давление. Револь откинулся на спинку кресла. Его взгляд рассеянно блуждал по поверхности стола, а рука потирала подбородок и челюсть; взгляд скользил по всему этому беспорядку, не задерживаясь ни на чём конкретно, неразборчивые пометки, административные циркуляры, фотокопия статьи из «Espace éthique» / AP-HP²⁵ о манипуляциях над «остановившимся сердцем»; взгляд витал поверх всех этих предметов, громоздящихся на столешнице, в том числе над нефритовой черепашкой, которую ему подарила юная пациентка, страдавшая от тяжелейшей астмы, и внезапно остановился на сиреневых склонах горы Эгуаль, закутавшейся в накидку из пенящихся потоков; несомненно, Револь вдруг припомнил короткий кадр: вспышка, тот сентябрьский день, когда он «познал» эхинокактус Уильямса в своём доме в Вальроге, – Марсель и Салли прибыли ближе к вечеру в изумрудном седане, на колёсах застыли куски сухой грязи; машина натужно затормозила во дворе загородного дома, и Салли помахала ему рукой из окна: ау, это мы; её бело-снежные волосы развевались, позволяя рассмотреть деревянные серьги, две спелые вишни, алые, блестящие; позднее, уже после ужина, когда, пролив с неба звёздный дождь, на плато упала ночь, они вышли в сад и Марсель надорвал хрустящую целлюлозную упаковку: в руке у него появилось несколько крошечных шариков – серо-зелёные кактусы без колючек, – и трое друзей принялись катать эти шарики на ладонях, перед тем как вдохнуть горьковатый аромат; эти плоды прибыли издалека – Марсель и Салли ездили за ними в горную пустыню на севере Мексики и вывозили их оттуда тайно, нарушая закон и, со всеми мыслимыми предосторожностями, доставляя в Севенны, а Пьер, давно изучавший свойства галлюциногенных растений, с нетерпением ждал, когда же можно будет провести запланированный эксперимент: эхинокактус Уильямса содержал мощнейший коктейль алкалоидов, который на треть состоял из мескалина, вызывающего неконтролируемые видения; видения, возникающие из ниоткуда, не связанные с воспоминаниями; именно эти видения играли важнейшую роль в шаманских ритуалах индейцев, употреблявших этот кактус, чтобы прорицать будущее, заглядывая за грань неведомого; но Пьера больше всего интересовала синестезия – аномалия чувствительности, возникавшая во время подобных галлюцинаций: предполагалось, что в первой фазе после проглатывания растения у человека в разы обострялась способность к психосенсорному восприятию мира, – и Пьер надеялся увидеть вкусы, увидеть запахи и звуки, увидеть тактильные ощущения, мечтая, что расшифровка видений поможет ему понять, проникнуть в тайну боли. Револь вспоминал ту сверкающую ночь, когда небосвод прохутился прямо над горами и из его чрева посыпались звёзды; прорвался, являя взорам бескрайние пространства; тогда они, все трое, растянулись на траве – и вдруг Револь внезапно представил себе расширяющиеся миры; миры постоянного становления; пространства, в которых клеточная смерть была творцом метаморфоз, а смерть порождала жизнь, как тишина порождает шум, темнота – свет или статика – движение; молниеносное видение, возникшее на сетчатке в ту секунду, когда его глаза снова впились в монитор, когда всё его внимание сосредоточилось на прямоугольнике сорок сантиметров в длину, излучающем чёрный свет, который означал прекращение всякой мозговой деятельности у Симона Лимбра. Он никак не мог соотнести лицо молодого человека с ликом смерти – и почувствовал, как у него перехватило горло. А ведь он работал в этой области уже почти тридцать лет.

²⁵ AP-HP (L'Assistance Publique – Hôpitaux de Paris) – государственная система больниц Парижа и его пригородов, крупнейшая больничная система в Европе и одна из крупнейших в мире. «Espace éthique» (дословно: «Этическое пространство») – структурное подразделение AP-HP, занимающееся вопросами медицинской этики.

Пьер Револь родился в 1959-м. Разгар холодной войны, триумф кубинской революции, первое голосование швейцарок в кантоне Во, съёмки фильма «На последнем дыхании», появление романа «Обед нагишом» и мистического опуса Майлса Дейвиса «Kind of Blue»²⁶: самый великий джазовый альбом всех времён и народов, – утверждал Револь, лукаво улыбаясь, словно эта музыка была как-то связана с рождением будущего врача. Что-то ещё? Да, говорил он самым равнодушным тоном, словно хотел заинтриговать слушателей, подготовить их к открытию: так и представляешь себе Револю, избегающего смотреть в глаза собеседнику, занятого какими-то своими делами, роющегося в карманах, набирающего номер телефона, читающего пришедшее сообщение, да: в тот год дали новое определение смерти. И в ту секунду Револь наслаждался, наблюдая, как на лицах у окружающих появляется странное выражение: смесь оцепенения и страха. Затем он добавлял, вскидывая голову и рассеянно улыбаясь: оно известно любому анестезиологу-реаниматологу – и оно очень значимо.

Револь часто думал о том, что в далёком 1959 году, когда он был безмятежным младенцем с тройным подбородком, очаровательные ползунки с пуговками, мирно посапывавшим отпрыском провинциального сенатора, а спал он большую часть суток в плетёной колыбели, декорированной прелестной клетчатой тканью; он хотел бы находиться в зале, на Двадцать третьем Международном неврологическом конгрессе: в тот день Морис Гулон и Пьер Молларе вышли на трибуну доложить о результатах проведённой работы; Револь многое отдал бы, чтобы увидеть, как перед медицинским сообществом, а в сущности, перед всем миром в целом, предстали эти двое, невропатолог и инфекционист, одному около сорока, другому около шестидесяти; тёмные костюмы и чёрные глянцевые ботинки, скорее всего галстуки-бабочки; как он мечтал понаблюдать за тем, из чего складывались их отношения: взаимоуважение, которому не мешала разница в возрасте; своего рода молчаливая иерархия, сопровождающая все научные конференции, мой уважаемый коллега! мой дорогой коллега! но всё же: кто? кто выступил первым? кому выпала честь подвести итоги? и чем больше Револь об этом думал, тем чаще он повторял себе, что хотел бы видеть их; сидеть там, в зале, среди пионеров реанимации, в большинстве своём мужчин, сконцентрированных и одновременно таких возбуждённых; быть «своим» среди этих замечательных людей, в этом замечательном месте – в головном госпитале имени Клода Бернара: именно здесь в 1954 году Молларе впервые создал современную службу реанимации; он собрал команду, переоборудовал павильон имени Пастера, чтобы поставить в нём около семидесяти коек; «выбил» знаменитые «Энгстрём-150» – аппараты для искусственной вентиляции лёгких, которые использовались для борьбы с эпидемией полиомиелита, свирепствовавшей тогда на севере Европы, и которые заменили «стальные лёгкие», служившие врачам ещё с тридцатых годов, – чем дольше Револь размышлял о событиях давно минувших дней, тем отчётливее представлял себе ту необыкновенную, можно даже сказать, эпохальную сцену, при которой он, увы, никогда уже не сможет присутствовать; он слышал голоса обоих профессоров, обменивающихся короткими негромкими фразами: вот они наводят порядок на кафедре, раскладывают листы доклада, прочищают горло, стоя у микрофонов, бесстрастных металлических микрофонов, ждущих, пока стихнет шум в зале и воцарится тишина, и тогда учёные заговорят, начнут доклад с холодной отстранённостью, свойственной лишь людям, уверенным в себе, уверенным в том, что они сделали поистине фундаментальное открытие и теперь пришли рассказать о нём коллегам; рассказать, воздерживаясь от лишних слов, довольствуясь только примерами и описаниями; и вот они описывают, описывают,

²⁶ Во (Vaud) – кантон на западе Швейцарии; право голоса для женщин во всех 26 швейцарских кантонах закреплено с 1990 года. «На последнем дыхании» (“A bout de souffle”) – один из первых фильмов «французской новой волны»; режиссёр Жан-Люк Годар, в главных ролях Джин Сиберж и Жан-Поль Бельмондо. «Обед нагишом» (“Naked Lunch”) – скандальный роман американского писателя Уильяма Берроуза; цензурный запрет на его публикацию в США был снят через суд (с 1966). Майлс Дьюи Дейвис (Miles Dewey Davis III, 1926–1991) – выдающийся американский джазовый трубач; “Kind of Blue” – «Вроде голубого...» (англ.). – Примеч. ред.

выкладывают на стол доводы, как опытный игрок в покер в решающем раунде выкладывает перед противниками каре тузов; и, как обычно, вся грандиозность их открытия ошеломила Револю, ошеломила, как бомба, взорвавшаяся прямо у него на глазах. А ведь это и была бомба, ибо Гулон и Молларе заявили потрясённой публике: прекращение сердцебиения больше не свидетельствует о наступлении смерти: отныне пациента можно считать мёртвым, лишь когда прекратилась деятельность его мозга. Иначе говоря: *если я больше не мыслю – следовательно, я не существую*. С символической точки зрения, сердце было низложено, а мозг – коронован: «государственный переворот»; «революция».

Гулон и Молларе предстали перед научной ассамблеей и перечислили признаки, совокупность которых они называли «закоматозным состоянием», или «терминальной комой»; они подробно описали состояние многочисленных пациентов, у которых сердечная и дыхательная функции поддерживались чисто механически, но мозговая деятельность прекратилась, – пациентов, которые без современной аппаратуры и новейшей реанимационной методики питания мозга точно стали бы жертвами сердечной смерти; оба профессора установили, что эволюция реанимации изменила расклад сил в медицине; оба заявили, что последние достижения науки вынуждают их дать новое определение самому понятию *смерть*, в связи с чем они взяли на себя труд донести до общественности следующее, жест невыносимой смелости – ведь он затрагивал и философию, и теологию: новое определение смерти позволяет изымать органы у одного человека и пересаживать их другому.

За выступлением Гулона и Молларе на конгрессе последовала публикация в «Неврологическом журнале»; так появилась фундаментальная статья, описывающая двадцать три случая терминальной комы: тут самое время припомнить книги, выстроившиеся на полках в кабинете у Револю, в частности номер журнала за 1959 год, и догадаться, что речь идёт именно о том номере, где была опубликована статья о коме; Револь разыскал этот документ на *иБэй-дом-ком* и, не торгуясь, согласился выложить за него приличную сумму; заветный экземпляр периодического издания врач заполучил в ноябре на станции «Лозер – Политехнический институт», линия «В» поездов RER²⁷: он долго мёрз на холодной платформе, ожидая продавца, оказавшегося крошечной пожилой дамой в шляпке-тюрбане цвета топаза; семена, она подошла к Револю, взяла у него наличные, открыла огромную хозяйственную сумку в шотландскую клетку... и попыталась сбежать, надеясь надуть покупателя и не отдать журнал.

Револь снова уставился на монитор, ещё раз убедился в правоте своего диагноза, закрыл, затем снова открыл глаза и, словно что-то внезапно решив, поднялся; часы показывали 11:40, когда мужчина позвонил в приёмное отделение; трубку взяла Корделия Аул; Револь спросил, знает ли о случившемся семья Симона Лимбра, и молодая женщина ответила: да, жандармерия связалась с его матерью – сейчас она, наверное, уже в дороге.

* * *

Марианна Лимбр вошла через центральный вход и тут же направилась к массивной стойке, за которой, глядя в мониторы и тихо переговариваясь, дежурили две медсестры в зелёных халатах. Одна из них, с чёрными волосами, заплетёнными в толстую, переброшенную через плечо косу, подняла голову и кивнула Марианне: добрый день! Та ответила не сразу: она не знала, в какое отделение идти, – в службу ли неотложной помощи, в реанимацию, в травматологию, в хирургию, в нейробиологию; она никак не могла осилить перечень этих отделений, красовавшийся на большом настенном щите, словно буквы, слова, строчки вдруг взбесились и

²⁷ Система скоростного общественного транспорта, обслуживающего Париж и его пригороды.

зачем-то вздумали перемешаться, а ей никак не удавалось призвать их к порядку, наделить хоть каким-нибудь смыслом; наконец Марианна сумела выдавить из себя: Симон Лимбр. Прощу прощения? Женщина нахмурила брови, такие же густые и тёмные, сходящиеся у переносицы. Марианна собралась и сумела составить целую фразу: я ишу Симона Лимбра, это мой сын. А... Медсестра за стойкой склонилась к монитору, и кончик её косы скользнул по клавиатуре, словно кисть для китайской каллиграфии: как его фамилия? Лимбр: эл, и, эм, бэ, эр, Марианна произнесла слово по буквам, затем обернулась и рассеянно осмотрела больничный холл – высокий потолок огромного собора и пол, напоминающий лёд катка: акустика, холодный блеск, следы на гладкой поверхности – вкрапление массивных столбов; как здесь тихо и малоллюдно; какой-то тип в домашнем халате и тапочках-вьетнамках, опираясь на костыль, бредёт к висящему на стене телефону; женщина в кресле-каталке, которое толкает мужчина, чья голова увенчана фетровой шляпой с задорным оранжевым пёрышком, современный Робин Гуд, неврастеник, – и где-то вдали, около кафетерия, рядом с дверьми, теряющимися в темноте коридора, собрались в кружок три медсестры в белых халатах, в руке по пластмассовому стаканчику: что-то я не вижу такой фамилии; когда его привезли? Брюнетка не отрывает глаз от монитора, продолжая щёлкать мышкой, сегодня утром, едва шепчет Марианна; женщина подняла голову: а, тогда, возможно, он в отделении неотложной помощи? Марианна, соглашаясь, прикрыла веки, а в это время медсестра встала, отбросила косу на спину и указала на лифты, притаившиеся в глубине холла, затем вам надо будет пройти по подземному переходу: так вы доберётесь до отделения неотложной помощи, не выходя на улицу, Марианна благодарит и снова пускается в путь.

Она снова задремала, когда зазвонил телефон; зарылась в бледные пушистые облака сновидений, куда настырно пытались проникнуть дневной свет и резкие синтетические голоса телегероев японского аниме; позже она примется искать некие знаки, подсказки – но всё напрасно: чем сильнее Марианна напрягала память, тем неуловимее становился сон; он растворялся, уплывал, и она не могла припомнить ничего существенного, что придало бы хоть какой-то смысл этому несчастному случаю, произошедшему где-то там, на грязной дороге, в тридцати километрах от неё, спящей, в тот самый миг, когда она бродила по тропам грёз; трубку взяла семилетняя Лу; она стремглав влетела в комнату, потому что страшно боялась пропустить что-нибудь интересное, даже самый крошечный эпизод мультфильма, который смотрела в гостиной; малышка просто положила телефон у уха матери и испарилась из спальни так же быстро, как появилась; голос из трубки вплетался в сновидения Марианны, он звучал всё громче и громче, этот настойчивый голос, и в итоге она разобрала слова: пожалуйста, ответьте: вы мать Симона Лимбра? Марианна села на постели, и в ту же секунду её мозг сковал липкий страх.

Должно быть, она закричала очень громко; в любом случае, так громко, что дочь снова возникла на пороге спальни, нерешительная и серьёзная, круглые глаза; она застыла у входа, прислонила головку к дверному наличнику и не сводила глаз с матери, которая её не видела, но, дыша, как загнанная лошадь, перекошенное лицо, судорожные движения, всё давила на кнопки мобильного, пытаясь дозвониться до Шона, который не брал трубку, да возьми же её, возьми, чёрт тебя побери; девочка смотрела на мать; смотрела, как та в спешке одевается, натягивает тёплые сапоги, широкое пальто, заматывает шарф, а затем бросается в ванную, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, но никакого крема, никакой косметики, ничего; и когда Марианна подымает голову над раковиной, её глаза встречаются с отражением в зеркале: льдистая радужка под внезапно припухшими веками, глаза Синьоре²⁸, глаза Рэмплинг²⁸, зелёные лучи в

²⁸ Симона Синьоре (1921–1985) – французская актриса театра и кино, жена Ива Монтана (с 1950). Шарлотта Рэмплинг (р. 1946) – британская актриса.

ореоле ресниц, – и она не узнаёт, не узнаёт себя, словно превращение уже началось и Марианна стала совсем другой: целый пласт её жизни – немалый пласт, ещё горячий, компактный, – отделяется от настоящего, чтобы рухнуть в бездну минувшего, упасть и исчезнуть в этой пропасти. Она чувствует дрожь земли; кожей ощущает зарождающиеся обвалы, оползни, разломы, уничтожающие почву у неё под ногами: что-то закрывается, что-то перемещается и отныне становится недостижимым; здоровенный кусок скалы отделяется от тверди и летит в море, полуостров медленно отрывается от континента и, такой одинокий, уплывает за горизонт; вход в пещеру с чудесами перегородила каменная глыба: прошлое вдруг сразу стало таким значительным, увеличилось, раздулось, как людоед, обожравшийся жизнью, а настоящее превратилось в ультратонкую линию, в порог, за которым нет ничего знакомого. Телефонный звонок расколол время, и, стоя перед зеркалом, в котором маячило её отражение, руки вцепились в край раковины, окаменевшая Марианна никак не могла справиться с шоком.

Схватив сумку, женщина развернулась и бросилась к малышке, которая так и стояла, застыв, о, Лу! ребёнок позволил сжать себя в объятиях, не понимая, что происходит, но весь обратился в один немой вопрос, на который мать не пожелала ответить: надень тапочки, возьми кофточку, пойдём, хлопнула входная дверь, и Марианна вдруг подумала, росчерк ледяного пера, что, когда снова повернёт ключ в замке, уже будет точно знать, что произошло с Симоном. Бегом на нижний этаж – нажала на кнопку звонка, нажала ещё раз, воскресное утро, все ещё спят, – дверь открыла сонная женщина; Марианна зашептала, проглатывая слова: госпиталь, несчастный случай, Симон, всё очень серьёзно; соседка, округлив глаза, кивнула, вздохнула и мягко произнесла: мы позаботимся о Лу, не волнуйтесь; девчушка в пижаме уже было шагнула за порог, робко помахала матери из-за приоткрытой двери, но, внезапно передумав, метнулась, как зверёк, на лестничную клетку, крича: мама! Тогда Марианна поспешно преодолела уже пройденные ступени, опустилась на колени перед дочерью, прижала Лу к сердцу, а затем, внимательно поглядев ей в глаза, повторила всю ту же, такую безличную, литанию: Симон – сёрфинг – несчастный случай – я вернусь, я вернусь очень скоро; девочка даже не моргнула, она лишь коснулась губами лба матери и направилась в квартиру соседей.

Теперь надо было вывезти машину из гаража, спустившись на подземную стоянку по чёрной лестнице; обезумевшая женщина с трудом справилась с управлением – она никак не могла выехать из отсека, в котором был припаркован автомобиль, одна попытка, вторая: уже поднимаясь по пандусу, ведущему на улицу, Марианна чуть не задела крылом ограждение. Ворота открылись автоматически, и, ослеплённая, Марианна несколько раз моргнула. Дневной свет был белым, как яичный белок, контрастируя с монотонно-серым небом, которое никак не могло разродиться снегопадом; она чертыхнулась и, собрав все свои силы, сконцентрировалась на дороге, по которой предстояло ехать; она катила прямо на восток, через верхний город, по прямолинейным артериям улиц, пронзающим пространство по горизонтали, медицинские зонды; за спиной остались улица Феликса Форы, улица 329 и улица Сальвадора Альенде; одно название сменялось другим, а Марианна двигалась по выбранной оси, и, пока она добралась до пригородов Гавра, названия соткались в настоящий муниципальный роман: в нижнем городе господствовали роскошные виллы, просторные сады, продуваемые всеми ветрами; тут же ютились дома поскромнее, череда частных владений и тёмных седанов, потускневших зданий, маленьких павильонов, расширенных за счёт веранды или садика, зацементированных дворики, в которых застаивалась дождевая вода, мопедов и ящиков из-под пива, микроавтобусов, подержанных колымаг; и тротуары, чересчур узкие тротуары, на которых с трудом могли разойтись два человека; Марианна миновала форт Турлявиль, бюро похоронных услуг, примостившееся перед кладбищем, за высокими окнами виднеются глыбы мрамора, проехала мимо освещённой булочной Гравиля и мимо открытой церкви – здесь она осенила себя крестом.

Город был абсолютно безжизненным – и Марианна усмотрела в этом скрытую угрозу: так бывалый моряк опасается нарочито спокойного моря. Ей даже показалось, будто окружа-

ющее пространство еле заметно выгибается, чтобы удержать в себе невиданную разрушительную энергию, могущую в любое мгновение вырваться и снести всё на своём пути, разметать реальность на атомы; но самое странное – и Марианна не раз потом думала об этом, – что в то утро ей не попала ни одна живая душа: ни водитель встречной машины, ни спешащий по делам пешеход, ни животное, собака, кошка, крыса, насекомое в конце концов, – мир превратился в пустыню; город обезлюдел, словно его жители попрятались по домам, стремясь обрести защиту пред лицом катастрофы; словно страна проиграла войну и её граждане притаились у окон посмотреть, как по улицам маршируют вражеские войска; словно каждый хотел затаиться в убежище подальше от смертоносного рока; все знают: страх сводит человека с ума – витрины занавешены железными шторами, окна задёрнуты занавесками, и только крикливые чайки кружат над эстуарием, приветствуя проезжающую Марианну: они мечутся над её машиной, которая, решив кто взглянуть на неё сверху, была единственной движущейся деталью пейзажа; мобильная капсула – воплощение всей жизни, пока существующей на Земле, – брошенная на асфальт дороги: так вбрасывают в электрическом бильярде²⁹ одинокий железный шарик, и он катится по полю, подгоняемый ударами игрока. Внешний мир медленно расширялся, дрожал и бледнел, как дрожит и бледнеет раскалённый воздух над песками пустыни, над нагретым солнцем шоссе; внешний мир расплывался, отдалялся и грозил исчезнуть вовсе; Марианна держала руль одной рукой, а другой беспрестанно вытирала слёзы – и не отрывала глаз от дороги, стараясь убаюкать интуицию, разбуженную телефонным звонком; эту проклятую интуицию, доставлявшую ей нестерпимую боль и вызывавшую безотчётный стыд; автомобиль спустился к Арфлёру, к выезду из Гавра, скоро появится транспортная развязка, – Марианна удвоила бдительность: ей нельзя сбиться с пути – мрачный, неподвижный лес; госпиталь.

На парковке Марианна заглушила мотор и попыталась ещё раз дозвониться до мужа. Сжавшись в комок, она вслушивалась в долгие ровные гудки и представляла себе их путь: звук пронзал пространство, сотканное из невидимых радиоволн, и, оседлав одну из них, уносился к югу от города; звук этот перелетал от одной антенны к другой; электромагнитный поток разных частот добирался до порта, до временно бездействующей промзоны во внутренней гавани, змеился вдоль реконструируемых зданий, чтобы проникнуть в холодный ангар, куда Марианна не заглядывала уже очень давно; она следила за телефонным вызовом, который шнырял вокруг стеллажей и деревянных балок; просачивался между бетонными блоками, щитами из клееной фанеры; пел в унисон с шумом ветра; облизывал выщербленные плитки кафеля; танцевал вместе с вихрящейся пылью; вальсировал с мелкими опилками, притаившимися в уголке; смешивался с воздухом, пропитанным испарениями полиуретанового клея, смолы и морского лака; пробирался сквозь волокна рабочих блуз и кожаных перчаток; словно мяч в ворота, залетал в консервные банки, где теперь хранились малярные кисти, в пепельницы, в ящики, ярмарочный кавардак; сражался с непрерывным жужжанием циркулярной пилы, с песней, доносящейся из старенького бумбокса, Рианна, «Stay»³⁰; боролся со всем, что шумело, трещало, свистело, включая свист самого Шона, который именно в этот момент, увлечённый работой, склонился над боковиной с алюминиевыми бортиками и упорами, позволявшими получать рейки одинаковой ширины; этот массивный, но ловкий мужчина с сильными руками медленно перемещался вдоль верстака с циркулярной пилой, оставляя следы на полу, усыпанном мелкой древесной стружкой; его голову венчала каска с противозумовыми наушниками, а лицо прикрывала маска; Шон заливисто свистел: так свистят маляры, когда, стоя на стремянке,

²⁹ Игральные автоматы, которые были чрезвычайно популярны во Франции. Игрок должен загнать железный шарик в лунку, перемещая его по полю с помощью кнопок, приводящих в движение специальные ударные «лопаточки», а иногда просто тряса автомат.

³⁰ Бумбокс (*boombox*) – портативная магнитола большой мощности. «Stay» («Останься», 2012) – знаменитая песня американской поп-певицы Рианны (Rihanna, р. 1988). – *Примеч. ред.*

красят стены, – пронзительная мелодия, вьющаяся в воздухе, словно упаковочная лента под ножницами; Марианна представляла себе трель телефона, который надрывался во внутреннем кармане тёплой куртки, висящей на гвозде, звук дождя, барабанищего по лужам: на прошлой неделе Шон установил новый звонок на своём мобильном и сейчас не слышал его.

Гудки смолки – раздался казённый голос автоответчика, предшествующий отвратному пипиканью. Марианна закрыла глаза и, словно воочию, увидела ангар – ярусы стеллажей с металлическими полками вдоль стен, на которых выделялись роскошные красновато-коричневые таонги, сокровища Шона: ялики с клинкерной обшивкой из долины Сены, каяки из тюленьей кожи с северо-запада Аляски³¹, а также деревянные байдарки, которые её муж делал сам; наиболее крупная из них, с изящной резной кормой, напоминала *ваку* – каноэ, которое маори используют в своих ритуальных процессиях; самая маленькая, с корпусом из берёсты, отделанная планками светлого дерева внутри, была особенно юркая и лёгкая – эдакая колыбель Моисея, пущенная по водам Нила ради спасения жизни будущего пророка, гнёздышко. Это я, Марианна; срочно перезвони.

Марианна пересекла холл. Какая длинная, почти нескончаемая дорога, и каждый её отрезок выстлан страхом и необходимостью спешить; наконец она шагнула в слишком просторный лифт и спустилась в подвал; на широкой лестничной площадке, белый кафельный пол, никого не было, лишь где-то вдали перекликались женские голоса; коридор резко повернул, и Марианна увидела толпу людей, сновавших туда-сюда: они стояли, сидели, лежали на больничных каталках, «припаркованных» прямо у стен, – диффузное движение, в недрах которого зарождаются жалобы и шёпот: вот голос мужчины, потерявшего всякое терпение, я жду уже целый час; стоны старой женщины, закутанной в чёрное одеяло; слёзы ребёнка, застывшего на руках у матери.

Открытая дверь, застеклённый кабинет. Очередная медсестра за компьютером подняла открытое круглое личико, лет двадцать пять, не больше: стажёрка; Марианна старательно произнесла: я мать Симона Лимбра; молодая медсестра озадаченно нахмурила брови, затем крутанулась на стуле и обратилась к кому-то за спиной: Симон Лимбр – это тот молодой человек, которого привезли сегодня утром: ты не помнишь? Мужчина обернулся и помотал головой, затем, увидев Марианну, сказал медсестре: надо позвонить в реанимацию. Та сняла трубку, набрала номер, задала вопрос, выслушала ответ, повесила трубку и кивнула; тогда мужчина покинул застеклённый кабинет – и это движение спровоцировало у Марианны выброс адреналина, в животе разгорелось пламя; мать Симона изнемогала от жары – она ослабила шарф, расстегнула пальто, отёрла крупные капли пота, блестевшие на лбу, здесь задохнуться можно; мужчина протянул ей руку – он такой маленький и хрупкий: тонкая сморщенная птичья шейка, слишком широкий воротничок бледно-розовой рубашки, халат с именным значком аккуратно застёгнут на все пуговицы. Марианна тоже протянула врачу руку, задавшись вынужденным вопросом: что выражает этот обыденный жест? простую вежливость? стремление поддержать, утешить? или нечто совсем другое? может быть, он как-то связан с состоянием Симона? однако в ту секунду она больше ничего не хотела ни слышать, ни знать: не сейчас, никакой информации, ничего, что могло бы омрачить уже прозвучавшие заветные слова: ваш сын жив.

Врач увлёк Марианну в коридор, по направлению к лифтам; она кусала губы, а её спутник продолжил: нет, у нас его нет, его доставили прямо в реанимацию, он говорил в нос, растягивая А и О; тон его был нейтрален; Марианна остановилась – внимательные глаза, рубленые фразы: он в реанимации? Да. Медик перемещался совершенно бесшумно: мелкие шажки, обувь на микропористой подошве, – он плыл, как корабль, в своём белоснежном халате, и его восковой нос отсвечивал в больничных лампах; Марианна выше него почти на голову, поэтому отлично

³¹ Таонга – сокровище, предмет культа (язык маори). Каяк – лодка у эскимосов (типа байдарки).

видит кожу его черепа сквозь жиденькие волосы. Врач сложил руки за спиной: я ничего не могу вам сказать, но пойдёте, вам всё объяснят: по всей видимости, его состояние требовало, чтобы его отвезли именно сюда. Марианна закрыла глаза и сжала зубы – её организм физически отвергал любую информацию: если этот коротышка не замолчит, она начнёт кричать, завоюет или набросится на него, чтобы заткнуть ладонью его дурацкий словоохотливый рот, пусть он заткнётся; Господи, умоляю Тебя: сделай так, чтобы он замолчал; и, словно по мановению волшебной палочки, доктор умолк на середине фразы; он застыл перед ней – голова покачивается над широким воротничком розовой рубашки; жёсткая, словно картонная, рука устремляется к потолку; ладонь открыта, странный, неоднозначный жест, намекающий на все случайности этого мира, на зыбкость человеческого существования; рука на секунду замирает, а затем падает, безвольно повиснув вдоль ноги: мы сообщили в реанимацию, что вы уже приехали; там вас встретят. Они подошли к лифтам и расстались; врач указал подбородком в тёмный зев коридора и тихим, но твёрдым голосом сообщил: мне туда, я должен идти; сегодня воскресенье, а по выходным пациентов в неотложном всегда гораздо больше: ей-богу, люди не знают, чем заняться, он нажал кнопку вызова лифта: металлические двери медленно раздвинулись, и, когда их руки снова соприкоснулись в рукопожатии, он внезапно улыбнулся Марианне, улыбка-дыра: до свидания, мадам, мужайтесь, и направился туда, откуда раздавались крики.

Он сказал *мужайтесь*. Марианна повторяла это слово всё время, пока поднималась на верхний этаж, – какой долгой оказалась дорога к Симону: этот ужасный госпиталь напоминает лабиринт, стенки лифта покрывали рабочие инструкции и объявления, расклеенные профсоюзом; *мужайтесь*, он сказал *мужайтесь*; её веки слипались, ладони стали влажными, из раскрывшихся пор сочился пот; от жары её лицо изменило черты – и это проклятое *мужайтесь*; проклятое отопление! тут что, вообще нет воздуха?

Реанимация занимала всё правое крыло первого этажа. На массивных дверях выделялась надпись, сообщавшая, что проход разрешён только медперсоналу, поэтому Марианна решила подождать на лестничной площадке; она прислонилась к стене, затем позволила себе соскользнуть, присела на корточки; голова раскачивается из стороны в сторону; затылок не отрывается от шершавой поверхности; лицо обращено к потолку, по которому бегут неоновые трубки; смежив веки, Марианна продолжала вслушиваться в голоса, летящие из конца в конец коридора, в деловые разговоры, в тихий шум шагов, каучуковые подошвы, гимнастические тапочки или обыкновенные лёгкие кроссовки, в это металлическое позвякивание, в эти тревожные звонки катящихся медицинских тележек, в этот типичный шум больницы. Она проверила телефон: Шон не звонил. Надо встать и идти, приблизиться к двойным створкам огнеупорной двери, окаймлённым чёрной резиной, и, встав на цыпочки, заглянуть в небольшое стеклянное окошко. Всё тихо. Марианна толкнула дверь и вошла.

* * *

Он сразу понял, что это она, полубезумный вид, лихорадочный, затравленный взгляд, запавшие щёки, и даже не стал спрашивать, она ли мать Симона Лимбра, – просто протянул руку и покачал головой: Пьер Револь, дежурный врач отделения; вашего сына утром осматривал я, идите за мной. Марианна инстинктивно опустила голову, уставилась на линолеум и, стараясь не глядеть по сторонам, в надежде увидеть своего ребёнка где-то во тьме боковых кабинетов, прошла метров двадцать по светло-сиреневому коридору и остановилась у самой обычной двери, на которой висела квадратная табличка с именем хозяина кабинета; букв она не разобрала.

В то воскресенье Револь обошёл вниманием семейный зал, который очень не любил, и провёл Марианну прямо в свой кабинет. Несколько мгновений она стояла, затем присела на краешек стула; тем временем Револь обошёл письменный стол и скользнул в кресло; грудь колесом, локти чуть отведены назад. Марианна смотрела на него, и постепенно все лица, которые ей довелось увидеть по приезде в госпиталь, – женщина с густыми бровями из приёмного покоя, молоденькая медсестра-практикантка, врач с розовым воротничком – наложились друг на друга, смешались, чтобы превратиться в одно-единственное лицо: лицо этого человека, который сидел напротив и явно намеревался заговорить.

Хотите кофе? Марианна вздрогнула и кивнула. Револь встал, повернулся спиной, взял кофейник, которого она не видела, плавные жесты, молчание, плеснул кофе в кружки из белого пластика; напиток дымился, вам положить сахар? Он выжидал, готовил речь, и она знала это, но согласилась на предложенный неспешный ритм, хотя испытывала почти парадоксальное напряжение: время утекало, как кофе из кофеварки, и всё зывало к срочности, всё указывало на радикальный характер ситуации; именно эта срочность, это давление заставили Марианну прикрыть глаза, сделать глоток и полностью сконцентрироваться на жидком огне, проникающем в горло; она так страшилась первого слова первой фразы – челюсть движется; губы начинают шевелиться, вытягиваться, приоткрываться, обнажая зубы, а иногда и кончик языка, – эта фраза пропитана несчастьем; она ещё не родилась, но Марианна уже знала, и всё естество её бунтовало; она сторбилась, позвоночник вжат в спинку стула, неустойчивого стула: голова уезжает назад; больше всего на свете ей сейчас хотелось броситься вон из кабинета, открыть дверь и бежать куда глаза глядят; а ещё больше ей хотелось просто исчезнуть, испариться, провалиться в люк, внезапно возникший прямо под ножками стула: пуф! – и дырка, подземная тюрьма, где все о ней забудут, никогда её не найдут, а она будет знать лишь одно: что сердце Симона всё ещё бьётся; она хотела расстаться с этим слишком замкнутым кабинетом, с этим сине-зелёным светом; сбежать от новостей; в ней не было ни капельки мужества, *мужайтесь*, – она пыталась перехитрить саму себя; юлила, как уж на сковородке; она отдала бы всё, что у неё есть, лишь бы её успокоили, лишь бы наврали; пусть ей рассказывают страшные истории, но у каждой должен быть хеппи-энд; Марианна вязла в отвратительном страхе, но твёрдо верила: каждая прожитая секунда – военный трофей; каждая секунда тормозит бег неумолимого рока; и, глядя на её нервные руки, на сплетённые ноги, на прикрытые припухшие веки, ещё хранившие следы вчерашней косметики – угольно-чёрные тени, подчёркивающие цвет глаз, полупрозрачный нефрит, озёрная вода, уверенно нанесённые кончиком пальца на подрагивающие ресницы, – Револь понял, что она всё поняла; знал, что она знает; именно поэтому он, с бесконечной мягкостью, согласился растянуть время, предшествовавшее его речи; Револь подхватил сувенир из Венеции и стал катать его по ладони: в холодном свете неона стеклянный шарик отливал всеми цветами радуги; эти радужные венозные сполохи, гулявшие по стенам и потолку, на миг задержались на лице Марианны, которая открыла глаза, и для Револя это стало сигналом: он мог начинать.

– Ваш сын находится в тяжёлом состоянии.

После первых произнесённых слов, приятный тембр, размеренная речь, Марианна подняла глаза – сухие – и посмотрела в глаза Револю; он тоже смотрел на неё: ведь фраза прозвучала, а дальше простыми понятными предложениями, ясность без жестокости, – семантика фронтальной точности; *largo*³², разбитое паузами, которые дополняют смысл, – достаточно медленно, чтобы Марианна могла прокрутить в голове каждое слово, каждый услышанный слог, запомнить их: во время аварии ваш сын получил черепно-мозговую травму; сканирова-

³² Обозначение музыкального темпа и характера: очень медленно и торжественно.

ние показало значительные повреждения в районе лобной доли; медик поднёс руку к собственному черепу, иллюстрируя свои слова: сильнейшее сотрясение спровоцировало кровоизлияние в мозг; когда Симона доставили в госпиталь, он уже был в коме.

Кофе в кружке остыл, Револь пил его не спеша; Марианна, сидевшая напротив, превратилась в каменную статую. Раздался телефонный звонок – один гудок, второй, третий, – но Револь не стал брать трубку; Марианна буквально пожирала врача глазами: шёлковая белизна кожи, синева под глазами прозрачного серого цвета, тяжёлые веки в морщинках, ореховая скорлупа, удлинённое лицо; телефон умолк; спустя несколько мгновений тишины Револь снова заговорил: я обеспокоен, собственный голос удивил медика: он был необъяснимо пронзителен, словно кто-то подкрутил ручку громкости: в данный момент мы уже проводим все необходимые исследования, и первые результаты не обнадеживают; его голос звучал, бился в ушах Марианны, но к нему примешивался некий посторонний звук, звук её участвовавшего дыхания; голос врача не обволакивал, как те отвратительные голоса в морге, голоса, которые стремятся утешить: для Марианны он был путеводной нитью.

– Речь идёт о глубокой коме.

Секунды, следовавшие за этим заявлением, образовали между собеседниками полосу отчуждения: голое, безмолвное пространство, непреодолимая река, и каждый из них застыл на своём берегу. Марианна Лимбр пробовала на вкус странное слово *кома*; Пьер Револь коснулся чёрной стороны своей работы; шарик по-прежнему катался по ладони, тусклое, одинокое солнце, и ничто не казалось ему таким сложным, таким жестоким, как необходимость находиться рядом с этой женщиной, необходимость увлечь её на тонкий лёд разговора, в котором, как призрак, маячило слово *смерть*: а ведь они должны сделать это шаг вместе, синхронно. Револь сообщил, что Симон больше не реагирует на боль, у него обнаружены зрительные и вегетативные расстройства, прежде всего дыхательное, и признаки закупорки лёгких; к тому же не радуют первые томограммы – фраза тягучая: Револь останавливается, чтобы сделать очередной вдох; он чеканит, формирует каждое предложение, лепит слова так, чтобы Марианна увидела всю фразу целиком, коснулась её; он старается превратить клинический диагноз в эмпатию; говорит, словно вырезает узоры на ткани; и теперь они смотрят только друг на друга, глаза в глаза, лицо в лицо, абсолютное единение; сообщники, лицевая сторона и изнанка, оригинал и отражение, – весь мир остался где-то за пределами этого разговора, и, в то же время, кажется, будто этот разговор, эта возможность смотреть глаза в глаза, позволяет ей увидеть и принять то, что происходит в одном из больничных кабинетов.

Я хочу видеть Симона, взволнованный голос, мечущийся взгляд, руки живут своей жизнью. Я хочу видеть Симона, вот и всё, что она сказала; мобильный завибрировал в кармане пальто, завибрировал уже в который раз: соседка, приглядывающая за Лу, родители Криса, родители Йохана; но по-прежнему никаких вестей от Шона: где же он? Марианна отправила эсэмэс: позвони мне. Револь вскинул голову: прямо сейчас? вы хотите увидеть его немедленно? Он посмотрел на часы, 12:30, и ответил, очень спокойно: в данный момент это невозможно, надо немного подождать; сейчас мы занимаемся им, но, как только закончим, вы, разумеется, сразу же сможете увидеть сына. И, положив перед собой желтоватый лист бумаги, продолжил: если не возражаете, мне необходимо немного поговорить с вами о Симоне. Поговорить о Симоне? Марианна напряглась. Что это значит: *поговорить о Симоне*? Она должна описать его тело? помочь заполнить формуляр? остановиться подробно на каждой сделанной операции? аденоиды, аппендицит, больше никаких операций; переломы, были ли у него переломы? лучевая кость; он сломал её, упав с велосипеда, летом; ему тогда исполнилось десять, вот и всё; аллергия? нет, у него не было аллергии; а какие инфекционные заболевания он перенёс? золотистый стафилококк, снова летом; ему тогда было пять; он рассказывал о нём каждому встреч-

ному, очарованный столь загадочным названием, чувствовал себя уникальным; инфекционный мононуклеоз в шестнадцать, мононуклеоз ещё называют «болезнью поцелуя», «болезнью влюблённых», – и Симон криво улыбался, когда над ним подшучивали по этому поводу; он тогда ходил в такой странной пижаме, гавайские бермуды и хлопчатобумажный спортивный свитер, отделанный мольтоном³³. Может быть, надо перечислить все детские болезни? *Поговорить о Симоне*. Одна картинка сменяла другую, воспоминания путались; Марианна волновалась: розеола у малыша, закутанного в вязанное лицевыми петлями одеяльце; ветрянка у трёхлетнего карапуза: коричневые корки на голове, в волосах, за ушами, а эта высокая температура, которая измотала, иссушила мальчика, на целых десять дней окрасила белки глаз в жёлтый цвет, превратила шевелюру в смолистую паклю. Марианна отвечала односложно, а Револь делал пометки: дата и место рождения, вес, рост, – впрочем, кажется, ему было совсем наплевать на детские болезни её сына, поэтому медик написал на листе, что у Симона нет аллергии, нет никаких врождённых пороков, что он не страдал серьёзными заболеваниями, во всяком случае мать ничего не может сообщить о таковых, – последние слова заставили Марианну вздрогнуть; память подхватила её и унесла: зимний спортивный лагерь в горах, в Контамин-Монжуа³⁴; десятилетний Симон страдает от сильнейшей боли в животе; врач горнолыжной станции прослушивает мальчика, пальпирует левый бок и предполагает, что у его пациента приступ аппендицита; параллельно он ставит очень странный диагноз: «зеркальное расположение органов» – то есть сердце у Симона расположено справа; никто не усомнился в диагнозе доктора, и эта фантастическая аномалия превратила мальчика в настоящего героя, которым он оставался вплоть до отъезда домой.

Благодарю вас, затем, разгладив лист ладонью, Револь убрал документ в бледно-зелёную папку, где уже хранились бумаги по Симону. Он поднял голову, взглянул на Марианну: вы сможете увидеть сына, как только мы закончим обследование. Какое обследование? Голос Марианны заполняет кабинет; зыбкая надежда, шальная мысль: если обследование ещё не завершено, значит, ситуация нестабильна, приговор ещё не оглашён. Яростные всполохи во взгляде собеседницы встревожили Револю; он не мог позволить ситуации выйти из-под контроля, не мог позволить зародиться надежде: да, состояние Симона нестабильно, оно меняется, но ситуация развивается не так, как нам хотелось бы. Выдержав удар, Марианна обронила: и как же оно изменяется, состояние Симона? Произнося последние слова, она знала, как сильно рискует; Револь ответил не сразу, взял паузу, набрал воздух в лёгкие:

– Повреждения в организме Симона необратимы.

Он чувствовал себя премерзко, словно запустил у бомбы часовой механизм. Револь поднялся: мы пригласим вас сразу же, как только появится такая возможность, и затем добавил немного громче: отец Симона, его предупредили о случившемся? Марианна не сводила взгляд с Револю: он будет здесь во второй половине дня, ближе к двум часам, но Шон не отвечает, не звонит; и внезапно Марианну охватила паника: ей почудилось, будто мужа нет в ангаре, возможно, даже нет в городе, что он решил перегнать ялик в Вилькье, в Дюклер, в Кодбек-ан-Ко или в яхт-клуб на Сене; может быть, в этот самый миг он показывает лодку покупателю и они оба усердно гребут, сидя на скамье, наблюдают за поведением судна, негромко обсуждают его достоинства, пересыпая речь спецтерминами; перед мысленным взором Марианны предстало русло реки, зажатое высокими каменистыми берегами, которые покрыты выющими растениями, густым торфяным мхом, гигантскими папоротниками и толстенными лианами, ядовито-зелёной травой, спутанными стеблями, древесной стеной, взмывающей к облакам или каскадами спускающейся к воде; затем свет померк, картину окутал полумрак, лишь

³³ Мягкая шерстяная ткань.

³⁴ Контамин-Монжуа (Les Contamines-Montjoie) – коммуна в департаменте От-Савуа (La Haute-Savoie) на востоке Франции. – *Примеч. ред.*

где-то высоко-высоко маячила узкая полоска молочного неба; вода стала тяжёлой, вязкой, плоской и медленной; над её поверхностью мельтешили бесчисленные насекомые, быстрые стрекозы, отливающие всеми цветами бирюзовой радуги; прозрачные комары; водная гладь обрела оттенок матовой бронзы, разбавленной серебряными искрами, – и вдруг, в полнейшем ужасе, Марианна подумала, что Шон уплыл в Новую Зеландию, что он поднимается по реке Уонгануи, что уже миновал пролив Кука, отправившись в путешествие совсем из другого эстуария и из другого города, и теперь углубляется в неизведанные чащи, совсем один в своей байдарке, такой выдержанный и спокойный; именно таким спокойным она привыкла его видеть: уверенный взор устремлён вдаль; размеренно гребя, он проплывает мимо деревень маори, растянувшихся вдоль берега; перетаскивает на спине лёгкую лодку, обходя опасные пороги, и движется всё дальше на север, к центральному плато и вулкану Тонгарио, туда, где находит свой исток священная река, повторяя путь первопроходцев, исследовавших новые земли; она видела Шона, словно наяву, – даже слышала его дыхание, как будто каноэ было замкнутым пространством, отражающим эхо, – и в её видениях царило удушливое спокойствие; Револьс с возрастающим беспокойством наблюдал за посетительницей, таким странно задумчивым, почти безумным стало её лицо: когда ваш муж приедет, мы снова с вами встретимся, Марианна кивнула: хорошо.

Скрежет отодвигаемого стула, скрип двери; теперь они шли по коридору, ведущему к выходу; оказавшись в холле, Марианна не стала добавлять ни единой фразы к их куцему диалогу, а просто повернулась и медленно удалилась, не зная толком, куда идти; она миновала зал ожидания – прямые стулья; журнальный столик, заваленный старыми журналами, – с обложек улыбаются стройные женщины, кичащиеся здоровыми зубами и блестящими волосами; шумный подземный переход, – и вот Марианна снова под сводами огромного стеклобетонного нефа; на плитках пола мириады следов; она добралась до кафетерия: в витрине разложены пёстрые пакетики чипсов, конфеты и жвачки, пиццы и бургеры, над ними стройные ряды ценников; в застеклённых холодильниках лежат груды бутылок с минеральной водой и содовой, – внезапно Марианна резко остановилась, пошатнулась: Симон лежит где-то там, далеко; как она могла оставить его? Она уже хотела развернуться, снова броситься в отделение реанимации, но сдержала свой порыв: она должна выйти из здания и наконец разыскать Шона; она должна найти его во что бы то ни стало.

Она направилась к главному выходу; дверь медленно открылась, и на пороге возникли четыре размытых силуэта, устремившиеся навстречу Марианне; постепенно смутные очертания, мадам Лимбр страдала близорукостью, складывались в фигуры и лица: родители двух других *кабальеро*, Кристофа и Йохана, – стройная шеренга; одинаковые тяжёлые зимние пальто, давящие на плечи; одинаковые шарфы, обмотанные вокруг шеи, напоминают медицинские корсеты, поддерживающие голову; одинаковые перчатки. Они уже заметили её, узнали, замедлили шаг, а потом, сломав строй, вперёд вырвался мужчина, чтобы подлететь к Марианне и заключить её в объятия; каждый из подросшей троицы тоже обнял знакомую. Как обстоят дела? Вопрос задал отец Криса: все четверо замолчали; они смотрели на Марианну, которая внезапно окаменела. Прошептала: он в коме, мы пока ещё ничего не знаем. Она пожала плечами, её губы болезненно скривились; а вы? как мальчики? Слово взяла мать Йохана: у Криса перелом левого бедра и малой берцовой кости; у Йохана переломы обеих запястий и ключицы, проломлена грудная клетка, но внутренние органы не задеты; она чрезвычайно сдержанна, и эта излишняя сдержанность призвана донести до Марианны, что они, все четверо, прекрасно осознают, как сильно им повезло; чертовская удача: их дети отделались лишь переломами – они ведь были пристёгнуты; женщина специально преуменьшала степень своего волнения, воздерживаясь от излишних комментариев: она желала заверить Марианну, что они знают, как обстоят дела у Симона; всё серьёзно, очень серьёзно, слухи из реанимации доползли до трав-

матологии и до ортопедической хирургии, где находятся их сыновья, она сочла возможным упомянуть об этом; и наконец, женщина была крайне сдержанна, ибо испытывала неловкость, даже вину: Крис управлял машиной, то есть он просто обязан был пристегнуться, а вот их сыновья – слепой случай, нелепый жребий: посередине мог сесть не Симон, а Йохан, и тогда сейчас на месте Марианны находилась бы она; это она столкнулась бы со страшным несчастьем, – от одной только мысли женщина испытала головокружение: её ноги ослабели и подкосились, в глазах потемнело; муж, почувствовавший, что супруге дурно, приблизился и взял её под руку, чтобы поддержать, а Марианна, глядя на поникшую женщину, внезапно тоже осознала, какая пропасть, непреодолимая пропасть теперь разделяет их: спасибо, я должна идти; созвонимся позднее.

Она вдруг поняла, что не хочет возвращаться домой: ещё не пришло время встретиться с Лу, поговорить с матерью, позвонить дедушке и бабушке Симона, сообщить друзьям; ещё не время слышать, как они паникуют и страдают, а некоторые кричат, заламывая руки: о нет, боже, чёрт подери, дьявольщина, это неправда, не может быть; кто-то рыдает; кто-то изводит её вопросами; произносит умные слова; сыплет неизвестными медицинскими терминами; приводит в пример случаи чудесного исцеления, когда, казалось бы, надежда была потеряна; рассказывает о каких-то общих знакомых; обвиняет во всём госпиталь, диагноз, диагноста; критикует методику лечения; даже спрашивает фамилию лечащего врача; ах, надо же, я его не знаю; ах, никогда не слышал о таком; о, конечно, наверное он хорош; и всё же настаивает, чтобы она записала номер телефона великого профессора, он уже два года не принимает, но надо попробовать, даже вызывается позвонить светиле лично: ведь они с ним приятели; или же он знает приятеля профессора; а может быть, найдётся кто-то настолько глупый, что попытается доказать ей, внимание, что врачи путают терминальную кому с другими похожими состояниями: например, с алкогольной комой, с передозировкой анальгетиков, с гипогликемией или ещё с гипотермией, и скажет о сёрфинге в холодной воде, – и тогда её замутит, но она сдержит рвотный позыв, возьмёт себя в руки и напомним мучителю, что речь идёт о несчастном случае, об ужасной автомобильной аварии, и будет противостоять им всем, повторяя, что о Симоне хорошо заботятся, что надо ждать, только ждать; тогда они захотят окружить её заботой, окутать словами, пустыми словами; нет, это время ещё не пришло, и всё, чего хотела Марианна, – найти какое-нибудь место, где можно подождать, скоротать время; ей нужно убежище; она дошла до автостоянки, а потом внезапно побежала прямо к своей машине, нырнула внутрь и стала колотить кулаками по рулю; уронила голову, волосы разметались по приборной доске; руки дрожали; движения были такими лихорадочными, что Марианна с трудом вставила ключ в зажигание, а когда тронулась, слишком сильно нажала на газ, и шины завизжали, соприкоснувшись с асфальтом; затем она двинулась навстречу западному ветру; туда, где светлое небо по-прежнему обнимало город; в это время Револь вернулся к себе в кабинет, но не сел за письменный стол, а поступил так, как предписывает закон, когда реанимация ставит диагноз «смерть мозга»³⁵: он снял телефонную трубку и набрал номер Координационного центра трансплантации органов и тканей – ответил ему Тома Ремиж.

* * *

Меж тем он чуть было не пропустил вызов – мог просто не услышать звонок, – но певец как раз брал дыхание в конце особенно длинной, насыщенной фразы, вокальная полифония,

³⁵ Необратимое патологическое состояние, вызванное тотальным некрозом головного мозга, при котором с помощью реанимационных мероприятий можно искусственно поддерживать кровообращение, дыхание и сердечную деятельность, создающие видимость жизни.

взлёт птиц; «Рождественские песни» Бенджамина Бриттена, опус двадцать восемь³⁶, и тогда он различил тихое пиликанье телефонного аппарата – нежные и прекрасные трели щегла, запертого в клетке.

Тем воскресным утром, в квартирке на первом этаже дома по улице Капитана Шарко, Тома́ Ремиж задёрнул венецианскую штору; он был один, совсем голый, и пел. Тома́ стоял в центре комнаты, всегда на одном и том же месте: вес тела распределён на обе ноги, спина прямая, плечи слегка отведены назад, грудная клетка открыта, шея свободна, чтобы можно было расслабить позвонки; мужчина несколько раз медленно поворачивал головой, потом плечами, сначала одним – затем другим, после чего постарался вообразить воздушный столб, начинающийся в выемке живота и идущий к горлу; представить себе эту «внутреннюю трубу», проталкивающую воздух и заставляющую голосовые связки вибрировать; ещё раз убедился в том, что он стоит «правильно». И вот наконец Тома́ открыл рот; открыл очень широко, несколько забавная, даже глуповатая гримаса, позволил воздуху наполнить лёгкие, напряг пресс, выдохнул, начал пассаж, стараясь максимально продлить его, мобилизуя диафрагму и мимические мышцы, – даже глухой смог бы «услышать» Ремижа, приложив руку к его телу. Свидетель этой сцены наверняка усмотрел бы в ней какой-нибудь намёк на древний шаманский ритуал, гимн восходящему солнцу или утреннюю молитву монаха-затворника, лирика рассвета; а может быть, он решил бы, что это обычная утренняя церемония, повторяемая изо дня в день и призванная укрепить тело: выпить стакан прохладной воды, почистить зубы, положить на пол резиновый коврик и начать гимнастику под бодрые вопли телевизора – однако для Тома́ Ремижа во всём этом крылось нечто совсем иное – познание самого себя: голос, как зонд, проникал в организм и доставлял на поверхность всё, что его оживляло; голос как стетоскоп.

В двадцать лет Тома́ покинул семейную ферму – зажиточный хутор в Нормандии, которым теперь управляли его сестра и её муж. Покончено со школьным автобусом и с грязью во дворе, с запахом влажного сена, с мычанием запертой недоенной коровы, с ровным частоколом тополей, растущих на травянистом склоне; теперь Тома́ живёт в крошечной студии в самом центре Руана, её ему сняли родители: электрический радиатор, раскладной диван; ездит он на пятисотой «Хонде» 1971 года; учится на медбрата; любит и девочек, и мальчиков, сам не знает, кого больше; и вот однажды во время поездки в Париж Тома́ оказывается в караоке-баре в Бельвиле: здесь полным-полно китайцев, виниловые волосы, восковые скулы; множество завсегдатаев, готовых выступить на публике, в основном парочки; влюблённые восторгаются друг другом, всё время фотографируются, имитируя жесты и ужимки, подсмотренные в телепередачах, – как вдруг, уступая уговорам своих спутников, Тома́ тоже отваживается выбрать песню: небольшой музыкальный отрывок, узнаваемая мелодия, вероятно, «Хартэйк» Бонни Тайлер³⁷; теперь *его* черёд подняться на сцену – и происходит метаморфоза: безвольное тело обретает твёрдость, голос рвётся изо рта; этот голос принадлежит ему, Тома́, но он ничего о нём не знает: незнакомы ни тембр, ни регистр, ни фактура, словно его тело поселило внутри себя иную версию его самого, полосатого хищника, обрывистый берег, уличную девку; ди-джей не мог ошибиться: это действительно поёт он, Тома́ Ремиж; так вот: воспринимая этот незнакомый голос как собственную подпись, как новый способ самоидентификации, осознания своей уникальности, он понял, что хочет познать себя, – и поэтому начал петь.

³⁶ Произведение английского композитора Бенджамина Бриттена для детского хора и арфы (1942).

³⁷ «Heartache» («Сердечные муки», 1978) – песня британской рок-певицы Бонни Тайлер (Bonnie Tyler, p. 1951).

Открыв для себя пение, он заново открыл своё тело: именно так всё и произошло. Как любитель спорта на другой день после активной тренировки – бег, велосипед, гимнастика – испытывает приятную ноющую боль в мышцах, так и Тома испытал совсем новые ощущения, почувствовал узлы и течения, точки и зоны, откровение о себе, неисследованные возможности себя самого. Он принялся изучать всё то, из чего состоял; размышлять об анатомии, о форме органов, о разновидностях мышц; изучать ресурсы организма, о которых раньше никогда даже не подозревал; он исследовал собственную дыхательную систему, стараясь понять, как действует на неё пение, как это искусство выстраивает по кирпичику человеческое тело; более того, тело поющее. И это стало его вторым рождением.

Тома вкладывал в пение время и деньги, год от году всё больше времени и денег; в конце концов искусство вокала стало важнейшей частью его повседневной жизни, съедающей львиную долю зарплаты, которую он получал за бесконечные дежурства в больницах: он распевался по утрам, репетировал по вечерам, два раза в неделю брал уроки вокала у певицы, фигурой напоминавшей амфору, шея жирафа, руки-тростинки, мощный бюст и плоский живот, пропорционально широкий таз, – и всё это богатство укрывала роскошная шевелюра, ниспадающая до колен, струящаяся по длинной фланелевой юбке; ночь вела его к театру: сольный концерт, оперный спектакль, очередная запись – Тома скачивал из Интернета любую музыку, официальные копии, пиратские записи, архивы; летом он колесил по Франции, останавливаясь то тут, то там, дабы почтить вниманием какой-нибудь фестиваль; ночевал в палатках или делил бунгало с другими любителями музыки, так похожими на него; познакомился с Усманом, музыкантом Гнауа³⁸, муаровый баритон; а минувшим летом внезапно отправился в Алжир и купил там щегла из долины Колло³⁹: на эту поездку Ремиж спустил всё своё наследство, доставшееся от бабушки, – три тысячи евро наличными, завернутые в батистовый платок.

Первые годы работы в реанимации существенно повлияли на Тома: он попал в иной мир, в «зазеркалье», в заколдованное подземелье или в параллельное пространство, – и этот мир людей, ступивших за грань, потряс его; в этом царстве тысячи снов сам он не спал никогда. Новоиспечённый медбрат бороздил отделение, словно рисовал собственную карту; он осознавал, что впитывает в себя вторую половину времени, церебральные ночи, сердце реактора; его голос обретал новое звучание, стал более зрелым, нюансированным; тогда он разучил свой первый романс, колыбельную Брамса, незамысловатая мелодия, – и, несомненно, впервые он исполнил её у изголовья страдающего пациента, песня как материализованный анальгетик. Скользящий график, напряжённые дежурства, нехватка всего: отделение устанавливало свои границы, замыкало пространство, повиновалось только собственным строгим правилам; и постепенно у Тома возникало чувство, будто он отрезан от внешнего мира, будто живёт в таком месте, где грань между ночью и днём больше не имеет смысла. Иногда ему казалось, что он сбился с пути, потерялся. Чтобы отвлечься, он проходил стажировку за стажировкой, из которых выходил измотанным, но с углублённым взглядом и с обогащённым голосом; работал, никогда не жалея сил, – и за это его стали всё чаще отмечать на собраниях; Тома овладел навыками погружения человека в сон, включая фазы ввода и вывода из наркоза; научился виртуозно манипулировать любой аппаратурой в реанимации; особо интересовался механизмом возникновения боли. Семь лет в таком ритме – затем возникло желание сменить орбиту, оставаясь в той же вселенной. Так Ремиж стал одним из трёхсот медработников-координаторов областной

³⁸ Этническая группа в Марокко и в Алжире, которую составляют потомки чернокожих рабов из Тропической Африки. Музыка Гнауа – смесь западноафриканских, берберских и арабских песнопений; широко используется в фильме Бернардо Бертолуччи «Под покровом небес» (1990).

³⁹ Колло (Collo) – округ на северо-востоке Алжира (вилайет Скикда). – *Примеч. ред.*

Службы пересадки органов и тканей, базирующейся в госпитале Гавра; ему исполнилось двадцать девять, и он был великолепен. Когда ему задавали вопросы о новом направлении работы, подразумевавшем, как всем казалось, дополнительное образование, Тома́ отвечал: общение с близкими родственниками, психология, право, труд в коллективе, всё, чем изобилует профессия медбрата, – да-да, конечно; но есть что-то ещё, нечто более сложное; и если бы он почувствовал себя уверенно, если бы решил задержаться на этом вопросе, то он рассказал бы о том странном нащупывании порога живого, поговорил бы о человеческом теле и о возможностях его использования, о приближении смерти и о её проявлениях, ибо речь шла именно об этом. В своём окружении он не обращал внимания ни на кого из тех, кто насмехался над ним: а если ЭЭГ⁴⁰

⁴⁰ Электроэнцефалограмма. – *Примеч. автора.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.